

Владимир
КОЛЫЧЕВ

Генералы песчаных карьеров

КОМАНДА

Владимир Григорьевич Колычев
Генералы песчаных карьеров
Серия «Команда», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164753

Владимир Колычев. Команда: Генералы песчаных карьеров: Эксмо;

Москва; 2005

ISBN 5-699-09381-8

Аннотация

Нелегка жизнь бандитская – место под солнцем приходится отвоевывать кулаками! Пока бригада молодого авторитета Тимура Беспашного воевала с чеченами за московские хлебные точки, в его родном Белокаменске бывший лагерник Слепень решил подгрести под себя все. Даже то, что принадлежало Тимуру по праву сильнейшего. А стоило авторитету оказаться в СИЗО, Слепень развернулся во всю ширь. Теперь вся надежда на бригаду Тимура – смогут ли его парни разделаться с уголовником? Ведь Слепень хитер и опытен, он знает, что не всегда побеждает сила. И неизвестно еще, чья возьмет...

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	36
Глава четвертая	51
Глава пятая	65
Глава шестая	82
Глава седьмая	97
Часть вторая	114
Глава первая	114
Глава вторая	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Владимир Колычев

Команда: Генералы песчаных карьеров

В основу романа положены реальные события. Автор благодарит писателя Артема Рудакова за документальные материалы, изложенные в его книге «Чеченская мафия».

Часть первая

Глава первая

– Твою мать!..

Емко, громко и смешно... Нужно было видеть, с каким лицом этот лысый дачник выскочил со своего двора. В руках черный полиэтиленовый мешок. На красном потном лице брезгливость, в глазах суеверный ужас. И в глотке – матюгальник.

– Сволочь поганое!..

Это он по адресу Тимура. И его команды... Только Тимуру и его пацанам ни холодно от этого, ни жарко.

Мужик избавился от своей ноши. И повернул обратно. Валера-Холера выскочил из кустов, бегом за мешком. Хвать в охапку – и назад...

Это была его идея – толкать дачникам золу. Отличное удобрение для огорода, и недорого, всего рупь за мешок.

За день шесть рублей уже срубили. И все за один и тот же мешок... Весь фокус в том, что Холера наклеил на мешок бирку: «Московский крематорий №2». Типа, в мешке человеческий пепел.

Туфта все это. В мешок насыпана самая обыкновенная зола. Но дачники как увидят бирку, так сразу в аут и уходят.

Кто на свалку мешок тащит, кто просто через забор без баллисты метает. Короче говоря, мешочек обратно к хозяевам возвращается. По новой в оборот идет... Шесть рублей за день – это не шутка. Пузырек можно купить да пару плавленых сырков. Как раз на троих сообразить.

Тимур не пьяница, нет. Но вмазать иногда не прочь. Особенно сегодня... «Сегодня в нашем клубе будут танцы, кино, концерт, буфет и дискотека...» Есть такая группа – «Час пик» называется. Не хилые песенки лепит...

– Харэ на сегодня, – решил Тимур. – Домой пора...

От дачного поселка до их дома – километров пять. Но с их техникой – это не расстояние. У Гены Скопцова мотоцикл «Ява» с люлькой. Машине лет сто пятьдесят, а может, и все двести. Пыхтит, кряхтит, на каждую кочку рычит. Но ничего, ездить можно. Тянет пока что мотор.

Мешок прихватили с собой. В этом поселке ловить больше нечего. Если они завтра снова сунутся сюда со своим удобрением, их самих могут посыпать золой...

Вообще-то Тимур бы не советовал дачникам связываться с ними. Не слабак он. Ему всего семнадцать. А рост уже за метр восемьдесят. Плечи, как у штангиста. Гена Скопец тоже далеко не хилак. Холеру, правда, здоровяком не назовешь. Невысокий и щуплый. Зато машется он будь здоров. Руки длинные, удар хлесткий. На руках кожаные перчатки с обрезанными пальцами. И кастет всегда в кармане. Врежет – мало не покажется...

Гена сел за руль, Тимур примостился сзади, а Холера занял место в коляске. Можно ехать. Жаль, пулемета нет. Чтоб калибр помощней да патронов побольше. Было бы как в кино про немцев. Не хило было бы «обезьян» с шинного завода шугануть.

Но пулемета нет. А вот «обезьяны» есть. И сегодня они всей толпой нагрянут на дискотеку. Разведка донесла. Придется Тимур поднимать своих «волков». Будет разборка, будет махач, будут гирлянды расквашенных носов и ожерелья окровавленных зубов...

«Ява» с ревом стартовала с места, загрохотала по кочкам. Позади пыль столбом и клубы копоты – бензин сегодня какой-то левый. И еще одна беда. Холера мешок неправильно уложил, на ходу стал перекидывать. И мешок возьми да лопни. А зола по ветру. И чисто на Холеру. В смысле, грязно...

Он стал счищать ее с себя руками. А морда у него потная, и сажа липучая. Только грязь размазал. На негра стал похож.

– Ты, папуас холерный! – насмешливо прикрикнул на него Тимур.

Ему и самому досталось. Правая нога золой присыпана.

– Да, блин!.. Ех мох!.. – отплевываясь, матерился Холера.

– Гена, давай на речку заруливай, – велел Тимур.

Мотоцикл резво съехал с дороги, пошел вниз под уклон. Гена заглушил мотор.

– Бензин экономить надо, – объяснил он.

Тимур кивнул. Бензин – общий. А железный конь у Гены – еще тот обжора. Хрен прокормишь.

– Зола – это туфта, – сказал Холера. – Профиль надо менять... Эх, на фарцу бы конкретно сесть, вот где бабки гуляют...

– Размечтался, – фыркнул Тимур.

Фарцой занимаются избранные. У кого бабки на товар есть, связи, хватка... Холера – прирожденный торгаш. Все, что угодно, на сторону толкнуть может. Язык у него без костей, глаза бесстыжие... Тимур глянул на него. И снова его разобрал смех. Точно, холера. Морда как ночь черна. Одни глаза остались. Те самые, бесстыжие...

Конечно, было бы здорово фарцой заняться. Но нужны бабки на раскрутку. Товар взять, то да се. С бабками – дело швах. А потом, с клиентурой дохлый номер. Тимур и его пацаны – дети трущоб. Сами – нищета, и вокруг – пьянь да рвань. Некому покупать у Холеры дорогое шмотье и парфюм... Так что пусть лучше и не мечтает...

Мотоцикл спустился с горки прямо к реке. Места здесь красивые. Ивы, вербы – пышным цветом, трава что покрывало, соловьи заливаются. А на песчаных карьерах все по-другому. Та же река. Но трава редкая, жухлая, деревьев – раздва и обчелся. Зато есть море. Море песка. Желтого, рыхлого. Хоть засыпьясь... На песчаных карьерах Тимуру нравится больше, чем здесь. Там его вотчина. А это чужая земля...

Гена мог остановить тачку возле самой воды, но он бросил

якорь в кустах. И Тимур уже знал, почему.

Скопец первым увидел этих девчонок. Их было две. Одна черненькая, другая беленькая. И обе – глухие. Или просто прикальваются. Делают вид, что не услышали, как подъезжает мотоцикл. А может, в самом деле они ничего не слышали. И не потому, что глухие. Может, заболтались. Да еще река шумит...

Гена видел, как они заходили в воду.

– Бляха буду, они голяком купаются, – взволнованно зашептал он.

Обычно Скопец спокоен, как удав. Даже в драке ему все по фигу. Получит в пятак, пожмет плечами и дальше махать-ся. Челюсть кому-нибудь свернет, даже не улыбнется. А бабы его заводят. Вот и сейчас колотиться начал.

Гена, как партизан, зарылся в кусты. Тимур и Холера встали рядом. Обзор неплохой. Видны две головы над водой. Брюнеточка и блондиночка. Мордашки симпатичные.

О чем бабы говорят, не слышно. Зато видно, что они вытворяют. Одна нырнула в воду, вторая. И обе изобразили поплавки. Это когда голые попы показываются над водой... А попы у этих девочек очень даже ничего.

Вряд ли Тимур был большим знатоком женщин. Но кое-какой опыт у него по этой части имелся. Были у него податливые подружки. Правда, все происходило при выключенном свете. Да и формы у тех самок не ахти. Зато Тимур видел голых баб на фото в порнографическом журнале. Так что

есть с чем сравнивать эти голые попы. А они как нарочно снова показались из воды...

– Они что, дразнятся? – тихо спросил Скопец.

Бедного пацана аж скрутило от возбуждения. Стоит на полусогнутых, руки вместе, локтями об одно место трутся. Как бы трусы ему стирать не пришлось...

Девчонки купались недолго. Выходят из воды. Две русалки. Длинные волосы, изящные фигурки. Обе как на ладони – все видно. У одной груди большие – с розовыми сосками. У другой мячики поменьше, и соски коричневые. У брюнетки внизу живота темно, у блондинки вообще никакой растительности. Совсем еще девчонка... И какая красивая. Дух захватывает...

– Эй, а это что за фигня! – всполошился Холера.

Он первым заметил этих чертей. Они вышли к девчонкам с другой стороны, перегородили им путь. Бедняжки испуганно шарахнулись от них, плюхнулись в воду.

– Куда, марухи? – пьяно гаркнул самый здоровенный тип. – Все равно под хвост задует!

Ростом он был повыше Тимура, в плечах пошире. Да и по годам он был значительно старше. Уже за двадцать ему. А дружкам – по семнадцать.

Тимур знал этих гавриков. Самый здоровый – это Миша Черт. Недавно после зоны. Собрал под себя пацанов, назначил себя королем и сейчас всю блатует. Тимур этих оборотов не боялся. Ну и что, если Черт после зоны? У них на

Волчьих Выселках почти все мужики сидели. Так что, и всех шугаться? Ага, сейчас...

Черт со своей кодлой обитал в третьем микрорайоне. А с «тройками» «волки» не воевали. Типа, нейтралитет.

Сам он жил на Втором километре Белокаменска. С чьей-то легкой руки их местечко получило название Волчьи Выселки. «Волки» со Второго километра враждовали с «обезьянами», а «тройки» наезжали на курсантов из танкового училища и гоняли дачников... Но все равно эти места – не их территория. И Тимур имеет полное право спросить с них за беспредел...

Черт начал раздеваться. Его гаврики тоже собрались лезть в воду. Сейчас похватают девчонок, вытащат их на берег. Визг будет, крики, смех. Дым коромыслом, и болты колом... Девчонок положат на лопатки и...

Девчонке можно отвесить щелбан в лоб, если она полная дура. Можно пройтись крепким словцом по ее родственной линии. Но чтобы насиловать... Тимур на такие дела никогда не шел... Но и другим не мешал. Во-первых, это не по уличным правилам – лезть в чужие дела. А во-вторых... Еще ни одна гнида не пыталась изнасиловать бабу на его глазах!..

Плевать на правила. Плевать на этих прибранных уродов... Тимур вышел из кустов, широким шагом направился к ним. Скопец и Холера шли рядом. Они даже не спрашивали, куда идут, зачем. Им вообще все равно, куда идти, хоть в рай, хоть в адово пекло, лишь бы Тимур был рядом. Пацаны

что надо...

Черт уже собирался сигануть в воду, когда к нему подошел Тимур.

– Ты куда лезешь, чувак? Это наши бабы!

Черт аж подпрыгнул от неожиданности. Впился в Тимура злым взглядом. Губы расплзлись в змеиной улыбке.

– Были ваши – стали наши! Вали отсюда! А то сам сейчас бабой ста...

Договорить он не успел. Тяжелый кулак Тимура состыковался с челюстью. Сначала послышался хруст, затем вскрик и после – шум падающего тела.

Черт не вырубился. Но поплыл конкретно. Не сможет он подняться сразу. Есть время заняться его дружком. Тимур не медлил. Хлоп со всей силы кулаком в репу. Удар у него будь здоров. А если еще бить с оттяжкой, сверху вниз... Пацан схватился руками за сплюсненную сопатку, заскулил и осел на землю.

Скопец и Холера схлестнулись с двумя другими «тройками». А те явно не из племени ссыкунов-задохликов. И машутся прилично. Так просто их не взять...

Черт уже поднялся. Но Тимур готов к броску. Он хорошо знает правила уличного боя. Бей первым. Бей, пока не устанут руки. Бей и не бойся разбить в кровь лицо – чужое и свое...

Тимур бросил в него кулак. Черт среагировал мгновенно. Закрылся руками, прогнул тело назад для ответного удара.

Но Тимур обхитрил его. Ногой ударил его в пах. Черт схватился за отбитые яйца, но тут же боль и злость переключила его руки в режим молотилки. Да только Тимур не зевал. Его кулаки градом обрушились на врага. Правда, он и сам пропускал удары. Но это не охлаждало его пыл.

Еще одно правило уличного боя. Ни в коем случае не отступать, не сдавать свои позиции. Дашь слабинку – считай, пропал. Собыют с ног, сомнут, раздавят. Да еще и помочатся сверху...

Тимур прочно держался на ногах. Но и Черт стоял крепко. Они молча кружили вокруг невидимой оси, как бульдозеры давили друг на друга, и били, били...

Не слабый противник попался Тимуру. Но он не робел. И сумел выжать из себя все силы. Заставил-таки Черта отступить сначала на шаг, на два. Его удары крепчали, ответные – слабели. Он теснил врага.

Еще несколько мощных зуботычин, и Черт будет сломлен... Но как будто бревном ударило его по ногам. Тимур потерял равновесие и спиной приложился к земле. Хорошо, голову удержал на весу. А то бы еще и затылком треснулся...

Это Чертов дружок пришел в чувство после мощного удара в нос. Смог провести подсечку. Поэтому Тимур на земле, а Черт уже готовится ударить его ногой в лицо...

Положение спас Скопец. Он уже забил своего противника. И с разгона сиганул на Черта, сбил его с копыт. Карусель закрутилась по новой...

Лицо Тимура превратилось в отбивную котлету. Нос разбит, бровь рассечена, губа распухла – как будто шмель укусил... Но это не помешало ему вбить в землю Чертова дружка. И на пару со Скопцом задавить самого Черта...

Тот уже понял, что пора тормозить процесс. Сел на задницу, замахал руками. И его недобитки запросили пощады... Тимур решил остановиться. Не до смерти же забивать этих уродов...

А вот девчонкам не мешало бы дать пинка под зад. Дурь штопаные. На необитаемом острове можно купаться голышом, а здесь места людные, и гребучих козлов хоть отбавляй... Бить этих дур не стоит, а вот пару крепких словечек прописать им можно...

Но напрасно Тимур пытался найти девчонок взглядом. Не было их. Ни в воде, ни на берегу. Только шлепанцы у воды стоят. И лифчик под кустом валяется. Больше ничего. Видно, пока суд да дело, бабы собрали свое шмотье в охапку и сделали ноги...

– Че, рыцарь хренов, некому тебя в задницу целовать? – гнусно осклабился Черт. – Смылись соски, да?

Он уже был на ногах. И, сплевывая кровь, пятился назад.

– Сейчас ты мне задницу целовать будешь! – надвинулся на него Тимур.

– Только подойди!

Черт сунул руку в задний карман брюк и вытащил оттуда нож-выкидушку. Грозно щелкнуло лезвие... Тимур не испу-

гался. Лишь облегченно вздохнул. Хорошо, что этот придурок не догадался достать «перо» во время драки...

Недобитые, но серьезно помятые «тройки» увидели нож в руках своего вожака. Оживились. Но в драку пока не лезли. Не хватило духу.

– Из-за сосок на меня наехал, да, поц? – Черт зловеще сощурил глаза. – А ведь ты их даже не знаешь... А наехал... Я ж тебя, падлу, живьем на куски порежу...

Угроза нешуточная. Но смотрится Черт как-то несерьезно. Жалко, что ли... Но при этом хочется дать ему под зад коленом.

– Закрой рот, дерьмом воняет! – презрительно скривил губы Тимур. – И вали отсюда, пока башку тебе не оторвали!

– Слышь, я не понял, ты на кого вафельник свой открыл? – взвился Черт.

Сейчас он уже не казался жалким недобитком. Злость кипела в нем, рвалась наружу – сдвигала набок крышу. В лучах заходящего солнца угрожающе блестел нож. На пальце темнел выколотый перстень. Как будто кричал во весь голос: «Черт был на зоне! Смотрите и трепещите»...

Все-таки зря Тимур не стал добивать этого выродка. Нужно было смешать его с землей, чтобы фиг с нее поднялся... Но после драки кулаками не машут. Хотя нет, сейчас как раз тот случай, когда кулаки снова пойдут в ход. И не только кулаки. Ножи тоже...

– Я тебя знаю, козел ты бодучий! – ревел Черт. – Второй

километр, да. Типа, Волчьи Выселки... Тимур тебя зовут, да. Типа, «волки», да... В гробу я таких волков видал, понял? Шакалы вы. Гнилье. Тьфу!..

– Ты долго вонять будешь? – презрительно сморщился Тимур.

– Я?! Воняю?!.. Скоро ты, муфлон, в гробу завоняешь!..

Ох, как не хотел Черт связываться с ним. Но ему нужно было удержать перед пацанами свой порушенный авторитет. Поэтому он должен был перейти от слов к делу...

Черт уже готов был броситься на Тимура. Но до драки дело все же не дошло. В самый последний момент из-за деревьев показалась черная «Волга» с зеркальными окнами.

– Менты! – в панике крикнул Черт.

И первым сиганул в кусты. За ним стали рвать когти и его дружки.

Тимур также не хотелось связываться с ментами. Но по кустам шнырять как зайцу ему не улыбалось. Да и бояться ему вроде бы нечего...

Из машины выскочил крепкий парень в темно-сером костюме. На ходу выхватил «пушку» из-под пиджака. Круто смотрится, не вопрос. Или мент из какой-то солидной уголовно-сыскной конторы, или гэбист...

Парень с пистолетом не стал преследовать убегающих. Зато взял на прицел Тимура с его пацанами. Неужто стрелять будет?..

– Стоять! – потребовал он.

Можно подумать, Тимур куда-то бежит.

– Стою, – небрежно усмехнулся он.

Признаться, ему было не по себе. Под ложечкой засосало, в желудке образовалась холодная пустота, колени ослабли. Но душа в пятки не ушла. Он смог совладать с собой. И сумел спрятать робость за пренебрежительной усмешкой.

Из машины вышел солидный мужик с благородной проседью в темных волосах. Важная походка, размеренные движения, властный вид.

Он обвел взглядом всю троицу, небрежно усмехнулся.

– Это ж надо, на кого мы похожи!

Вид у «волков» был не фонтан. С Холерой понятно – кочегар после пьяной драки. Скопец выглядел не лучше. Правая щека содрана в кровь, переносица распухла – от глаз остались одни щелочки. Тимуру тоже досталось. И это также отражалось на его лице.

Мужик перевел взгляд на своего спутника. И возмущенно повел бровью.

– Это что еще такое?

Парень опомнился и спрятал свою карманную «пушку».

Мужик явно не простой. Персональная «Волга», личный охранник. Шишка какой-то.

Вслед за ним из машины вышла девчонка. Та, которая брюнетка. Все то же смазливое личико, все те же красивые карие глаза. На вид ей лет семнадцать-восемнадцать. Волосы собраны в жгут, нагота скрыта под моднящей джинсовой па-

рой – шорты и жилетка поверх майки с каким-то заграничным лейблом...

Она смотрела на Тимура. Улыбка у нее яркая и призывная... Блондинки нигде не было. Но ему было как-то все равно. Сейчас его больше волновала брюнетка.

А она не сводила с Тимура глаз. Неужто он ей приглянулся?.. А что, может быть. Не красавец он, конечно. Но девки на него заглядываются. Не все, правда, но все-таки... И эта вот загляделась. Даже щечки порозовели. Волнуется...

– Здравствуй, меня зовут Полина... – заговорила наконец она.

И смущенно подала ему руку. Тимур легонько пожал ее. Только вот благоговения не испытал.

Эта Полина – девчонка занимательная. Но ему почему-то хотелось сейчас одного – побыстрее избавиться и от нее самой, и от ее папашки.

– Спасибо вам, – поблагодарила она. – Если бы не вы...

Она обращалась к Тимуру на «вы». Благородные манеры, писец всему.

– Светиться меньше надо, поняла? – усмехнулся Тимур.

Он простой уличный пацан, и ему эти великосветские закидоны до фонаря.

– Как это светиться? – непонимающе уставилась на него Полина.

– Сама знаешь, как...

Он мог бы сказать что-нибудь про голые задницы и сись-

ки. Но не хотел шокировать ее отца. А саму Полину жалеть он не собирался. Эта сучка голышом купается, а ему с пацанами из-за нее репы рихтуют...

Полина поняла, что он имеет в виду. Слегка смутилась. И натянуто улыбнулась.

– Ну, это сейчас модно. А потом, мы не думали, что тут опасно...

– Я не знаю, о чем вы тут с Инной думали, – встрял в разговор папашка. – Но больше я вас сюда одних не пущу...

– А с Игорем пустишь? – обезоруживающе посмотрела на него Полина.

И кивком головы показала на охранника.

– С Игорем пущу, – кивнул мужик.

Да, веселая картинка, бабы купаются голяком, а за ними присматривает здоровый парень. Но ведь девчонки могут быть и в купальниках... Тимур мысленно ущипнул себя. Какое ему дело, в чем будут купаться эти красотки. Он сам по себе, они сами по себе. Он – ягода не одного с ними поля. И не фиг лезть в эту малину. Базара нет, Полина с Инной – красивые девчонки. Но таких много... Завтра он о ней уже и забудет.

– Это, мы можем идти? – спросил Тимур.

Не о чем ему говорить с этими людьми. Нет у них точек соприкосновения.

– Да, конечно, – поспешно согласился мужик. Затем спохватился: – Да, я хотел бы записать ваши данные...

– Зачем? – нахмурился Тимур.

– Как зачем? Я бы сообщил в вашу школу. Люди должны знать своих героев...

Видно, этот чинуша привык толкать речи с высоких трибун. И сейчас его понесло, да не в ту сторону... А ведь сначала головой нужно думать, а затем давать волю языку.

– Вы хотите, чтобы люди знали, что вашу дочь чуть не изнасиловали? – с обескураживающим удивлением посмотрел на него Тимур.

Мужик всплеснул руками и благодарно посмотрел на него.

– Ну так мы пойдем? – спросил Скопец.

Холера ничего не сказал. Он просто зевнул и стал раздеваться. В конце концов он должен был смыть с себя сажу. Да и Тимуру с Геной тоже неплохо было бы освежиться в реке.

Валеру не зря называли Холерой. Он не лез в карман ни за словом, ни за делом. И сейчас отличился. Преспокойно снял с себя майку, брюки. Остался в одних семейных трусах. Но на этом не остановился. Он повернулся задом ко всем, снял трусы и ушел в воду. Всем своим видом он показывал, что и ему дозволено купаться в этой реке голышом. И плевать ему, что перед ним представители советской знати...

Мужик так и расценил его поведение. Недовольно хмыкнул и поспешил в машину. Обидно ему. Он, так сказать, снизошел до народа. А народ повернулся к нему задом...

Полине тоже не понравилось поведение Холеры. Она пре-

небрежительно фыркнула ему вслед. И заносчиво посмотрела на Тимура. Мол, я такая хорошая, заигрываю тут с тобой, а ты не ценишь... Нет чтобы стелиться перед ней, Тимур торопился избавиться от нее. И это ее коробило...

Она еще раз фыркнула и вместе с отцом и охранником скрылась в машине... Да пошли они!

Глава вторая

Тимур с неприязнью смотрел на своего отца. Снова нажрался как свинья. И повод для этого достойный нашелся. Юрка Темкин женится. Весь двор на свадьбе гуляет...

– Из-за о-о-острова на стре-е-ежень... – затынул батя.

Ладно, хрен с ним, пусть поет. Лишь бы мордой в салат не ткнулся. А еще может под стол завалиться да захрюкать...

Тимур, Скопец и Холера тоже на свадьбе. Чтобы Юрка да не пригласил их... Вообще, дом у них дружный, об этом даже разговора не может быть. Говорят, нищета объединяет. Может, оно и так...

Взять вот любой высотный дом в том же третьем микрорайоне. Там люди вроде бы нормально живут. Деньги зарабатывают, квартиры свои обставляют, машины покупают. А вот домами мало кто дружит. Потому что жлобье одно.

Зато на Волчьих Выселках все по-другому. Старый четырехэтажный дом, коммуналки. Хлам-срам, пьяные рожи на каждом шагу. Ну ругаются соседи, не без того. Зато как праздник какой-то, так все вместе. Каждый что-нибудь несет к столу. Тем и живы, тем и пьяны...

Вон Яша Туляков наклюкался до одури, туфту какую-то Зинке Гладышевой втирает. Та уже на него волком смотрит... Тимур может сейчас подняться, взять Яшу за шиворот. И плевать, что он на десять лет его старше. Как врежет по репе,

так сразу мозги на место встанут... А вот из чужих тронь кто Яшку, так Тимур за него любому задницу на флаги порвет. И Генка с Валеркой враз подпишутся, без разговора...

Да, весело живут они. Но бедно... Тимур обвел унылым взглядом свой дом. Серость, вшивость, запустение. И во дворе грязными красками намазано. Даже деревья, и те голубьями загажены.

Нет, он любит свой дом и свой двор. И были бы у него деньги, он бы вложил их в капитальный ремонт. Сделал бы из этих трущоб конфетку. Но нет денег на ремонт. На еду и то не всегда бывает. Батя уже год без работы. Как выгнали за пьянку, так нигде и не устроится. А грузчиком идти товарняки разгружать не хочет. Хотя до станции рукой подать...

Мать уборщицей в столовой работает. Зарплата – какая-то загогулина с одним ноликом. И то почти все батяня пропивает. На жизнь ничего не остается. Да и какая это жизнь? Так, прозябание...

Жизнь – это когда у тебя есть деньги, когда ты можешь себе позволить сытно есть и хорошо одеваться. Тимур же частенько недоедает. И носить приходится абы что. Стремные джинсы самого что ни на есть махрово-совдеповского пошива. Такие даже новые надеть стыдно. А у него они латанные-перелатанные, по швам уже трещат. Хорошо, мода пошла дурацкая – штаны рваные носить. Только ему такая мода не в кайф. Но делать-то нечего...

Вот Полина, та да, идет в ногу с настоящей модой. Пахан

– какой-то крутой советский босс. Вряд ли она знает, что такое дефицит. Да и с мани-мани полный порядок. Заграничные шмотки, всякие сервелаты из закрытых спецраспределителей. Квартира, дача, машина, даже персональный охранник... Вот у кого жизнь малина.

Правда, иногда попадаются бедные мальчишки. Вроде ничего собой. И рыло не с помойки, и в драке не последние. Можно позаигрывать с такими. Показать, какие мы хорошие... Только мальчик может оказаться упертым. И послать Полину куда подальше. А девочкам из высшего общества это не нравится. Они тогда на бедных мальчишек злиться начинают. Ведь они бедные в самом прямом смысле слова. Ни черта у них нет... Беднота, шваль, а еще носы задирают... Полина и сама нос задрала. Тимур видел, сколько пренебрежения было в ее прощальном взгляде.

Да только ему все до фонаря. У нее своя жизнь, у него своя. Их пути никогда не пересекутся. Дальше профтехучилища ему ни в жизнь не подняться. Закончит свою бурсу, на завод вкалывать пойдет. Днем – работа, вечером – танцы, пьяные драки, затем постылая жена и просто пьянка. Так и покатится жизнь под откос... А у Полины все путем будет. Она в элитном институте учиться будет, или уже учится. Папашка ее на тепленькое местечко пристроит, замуж отдаст за какого-нибудь мальчика-мажора. Днем непыльная работа, вечером театры, светские беседы, ночью шампанское при свечах и трах в классической позе под роскошным балдахом.

НОМ.

Всю жизнь Полина будет как сыр в масле кататься... А Тимуру болт по всей морде. Потому что он – никто. Да, он может поднапрячься и, если крупно повезет, поступить в институт. Не такие уж у него тупые мозги... Ну, поступит он, станет инженером. А дальше что? Будет инженером на заводе пахать. Сто рублей в месяц, лет через двадцать квартиру дадут... Кем бы он ни стал, все равно выше головы ему не прыгнуть. Трамплина нет в лице влиятельных родственников. Почему сын полковника не может стать генералом? Потому что у генерала свой сын есть... Как в анекдоте, так и в жизни. Потому что Совдепия – гнилая страна. Горбачев что-то со своей перестройкой мутит. Он-то намутит. А Тимур как сидел в дерьме, так в дерьме и останется...

С этим можно смириться... Но все же не хочется жить в дерьме. Тимур не прочь быть на равных с той же Полиной. Он хочет, чтобы у него была квартира, дача, персональная «Волга»... Как хочется, так и перехочется...

Тимур встряхнул головой, выгнал из нее хмельные мысли. Поднялся из-за стола. Он никого с собой не звал. Скопец и Холера сами пошли за ним.

– Покурить надо, – сказал он.

Пацаны дружно кивнули. А ведь покурить можно было прямо за столом. Свадьба во дворе гуляет, на свежем воздухе. Но Тимуру приспичило покурить в беседке за старым вязом. Обычно пьяный гомон не давил ему на уши. А тут как

железобетонную плиту на голову положили.

За беседкой были детские качели. Как ни странно, в рабочем состоянии. Алкаш один дворовый за пузырек самогона постарался. Вопрос только в том, кто ему эти пол-литра отмерил? Кому нужны эти качели?..

А нет, нужны качели. Какой-то пацанчик девчонку мелкую качает. Белое платьице, белый бант, черные волосы.

Он стоял спиной к Тимуру. И девчонка тоже была повернута к нему спиной. Лица ее не видно. Зато руки видны. И уши. Необычно смуглые...

– О-е! Да это моя подруга. Типа, по несчастью! – засмеялся Холера.

Тимур уже понял, что он имеет в виду. Неделию назад Валера был негритосом. А эта девчонка негритянка. Но в этот раз дело не в саже. Она в самом деле была черной, от рождения.

– У-у ты какая! – потянул к ней руки Скопец. – Дите Олимпиады, блин...

Он был хорошо под градусом. И плохо контролировал себя. Но насчет Московской Олимпиады он был прав. Девчонке лет пять. Так оно и есть, если ее зачали в восьмидесятом. Какой-то африканский спортсмен постарался...

– Лапы убери! – грозно взъерошился парень.

Он остановил качели. Девчонка спряталась у него за спиной.

Пацан был белый. Самый натуральный русак. Светлые во-

лосы, круглое лицо, вздернутый нос. И смотрится не слабо. Среднего роста коренастый крепыш. Взгляд не злой, но жесткий. И угроза в нем.

– Э-э, ты че? – Холера бесцеремонно оперся рукой на его плечо. – Мы тебя трогали, да? Че быкуешь?

– Лапы, я сказал, убери!

– Че ты сказал? – скривился Холера.

И приблизил к его губам свое ухо. Глаза дурные, нижняя челюсть выставлена вперед... Только напрасно он ждал ответа. Пацан просто резко отступил назад. Теперь Холера мог опираться только на пустоту. Он потерял равновесие и просел на одно колено.

– Ну ты! – набычился Скопец. – Мы с тобой по-хорошему. А ты!.. Да я тя за Вале-еру-у!..

Гена всерьез набросился на пацана. И так же всерьез напоролся на ответку. А пацан бить умел. Всем телом отшвырнул от себя кулак. Удар чисто боксерский – быстрый и мощный.

Кулак угодил Скопцу прямо в подбородок. Гена отлетел метра на два назад, сел на задницу. Попытался подняться, да куда там. Заштормило его, повело в сторону. Натуральный нокаут...

Только Холере все по барабану. Он тоже попытался боднуть пацана. Но парень обработал его «двойкой» – один удар в живот, второй в голову. Валера слетел с копыт и приземлился рядом со Скопцом.

Сами во всем виноваты. Не фиг было лезть к чуваку. Сто-

ял пацан, никого не трогал, обезьянку свою на качелях катал. А тут какие-то мэны с пьяными рожами... Тимур понимал этого боксера. Пацан в принципе прав. Но ведь он обидел не абы кого, а Гену с Валерой. И Тимур просто обязан стереть его в порошок...

– Э, чувак, ты чего борзеешь? – надвинулся он на парня.

И ударил его – резко, без замаха. Но боксер успел увернуться. И съездил ему в ответ кулаком по челюсти.

Удар мощнейший. Тимур с трудом удержался на ногах. И снова голова содрогнулась от прямого попадания. Перед глазами все затуманилось, поплыло... Но Тимур устоял и в этот раз. Даже выбросил вперед кулак. Но проклятый боксер поднырнул под руку и проверил на прочность его пресс.

Тимур умел держать удары в живот. Но в этот раз его ударили чересчур сильно. Острая боль согнула его пополам и заставила опуститься на землю...

– Что ж ты, скотина, делаешь, а? Что ж ты делаешь? – послышался чей-то возмущенный женский голос.

На боксера набросилась какая-то баба и как хлестнет его полотенцем по спине... Тимур смотрел на нее сквозь туман, но смог разглядеть. Ничего баба. Стройная, симпатичная. Модная прическа, глаза как у куклы, ярко накрашенные губы, короткая юбка в обтяжку, туфли-лодочки на высоком каблуке... И ножки – чуть полноватые, длинные и сильные. Смак...

– Это ж соседи наши. Соседи! – возмущалась она. – А ты

на них с кулаками... Ах, ты зараза! А ну домой давай, а ну домой!

Пацан ничего не сказал в ответ. Просто опустил голову, взял негритянку за руку и повел в дом. А баба осталась на улице. Подошла к Тимуру. Глаза блестят, на губах улыбка – дешевая, заискивающая.

– Тебе помочь? – протягивая руку, спросила она.

Тимур молча без ее помощи поднялся с земли. Помог Валере справиться с силой тяжести. Скопец уже стоял на ногах и с интересом рассматривал бабу.

На вид ей лет двадцать семь–двадцать восемь. Знойная женщина. Яркая и сочная... Э-эх!..

– Вы уж извините, ребята, – виновато улыбнулась она. – Олег немного погорячился...

– Да уж, немного, – потирая скулу, хмыкнул Холера. – Он что, боксер?

– Боксер... Мастер спорта...

– Нормально... А ты ему кто? – спросил Скопец. – Сестра?

– Ну... Сестра, сестра...

Конечно же, это была сестра боксера. В матери ему она уж точно не годилась.

– А я видел тебя вчера, – сказал Холера. – Ты наша новая соседка, да?

– Да, мы переехали. Мы теперь соседи, – кокетливо улыбнулась она. – Давайте знакомиться, что ли? Меня Рита зовут...

– А меня Гена... Это Тимур... А это Валера...

Рита весело посмотрела на Холеру, с интересом остановила взгляд на Тимуре.

– Ты Тимур, а это твоя команда? – Было видно, что ей в радость почесать языком.

– Что-то вроде того...

А ведь батя с маманей в самом деле называли его в честь гайдаровского героя. Батя тогда идейным был, почти не пил. И хорошо... Хорошо, что его зачали не в пьяном угаре. А то был бы Тимур сейчас каким-нибудь дебилом. А так он нормальный пацан. И ему нравятся нормальные телки. И Рита нравится. Хорошо, если бы она оказалась такой простой и податливой. Неплохо бы ее в подвальчик затащить.

– Это, давай к нашему шалашу, – показывая на свадебный стол, сказал Тимур.

– Вот именно, ты наша соседка и не при делах, – подмигнул ей Скопец.

И даже обнял ее за плечи, чтобы проводить к столу.

Тимур думал, что Рита сбросит его руку. Но ни фиги. Похоже, ей нравились эти слонячьи ухаживания.

Свадьба гудела как тромбон пьяного трубадура. Громко, но не в лад и невпопад. Мужики и бабы уже давно забыли, по какому поводу пьянка. Да и сам Юрка ужрался в зюю. И на свою невесту смотрит, как на какую-то шалаву из дешевого пивнаря. Сейчас еще клеить ее начнет...

Скопец попытался усадить Риту рядом с собой. Но та под-

села к Тимуру, плотно прижалась к нему бедром. Как будто ток по его телу пустили. И лампочка в штанах зажглась, как бы не лопнула от напряжения.

Тимур взял граненый стакан, наполнил его на два пальца. Но Рита мотнула головой, забрала у него бутылку. Набулькала в стакан до самых краев.

– Я опоздавшая, не забывай. А опоздавшим – штрафной!..

Дура. В бутылке не водка, а семидесятиградусный самогон. Какая баба осилит сразу сто грамм... Но Рита осилила. Вплеснула себе под жабры первачок, как будто это была обычная вода. Зато вилочку она взяла тремя пальчиками – типа, интеллигентка. Подцепила соленый огурчик, сунула его в рот. Скопец проводил взглядом этот огурчик, как будто это было что-то другое...

Рита вмазала еще раз. Слегка охмелела и еще тесней прижалась к Тимуру.

– Я... Я тебя вот о чем хотела попросить, – воркующим голосом сказала она. – Ты Олега моего не тронь, ладно?.. Я же видела, что между вами было...

– А что было? – усмехнулся Тимур. – Ну, не поняли друг друга. Олег объяснил...

– А вы... Вы тоже захотите ему объяснить. Подкараулите его в подворотне...

– Ага, из-за угла монтировкой по голове, – недобро усмехнулся Тимур. И резко отодвинулся от Риты. – За кого ты нас принимаешь? Мы не гады какие-то, чтобы исподтишка. На-

до будет, я с твоим Олегом раз на раз...

– Ну что ты, я не то имела в виду, – заискивающе посмотрела на него Рита. – Просто... Просто не надо трогать Олега, ладно? Разве что раз на раз... Договорились?

– Договорились, – подмигнул ей Тимур.

И плотно придвинулся к ней. Что ни говори, а приятно, когда тебя греет тепло женского тела... Хорошо было бы в подвальчике погреться. Но еще, как говорится, не вечер.

От Риты приятно пахло дешевыми духами. От нее и от самогона пьяно кружилась голова.

Тимур словно бы невзначай положил руку на ее голое колено. Кожа у нее гладкая, влажноватая на ощупь – самый кайф. Рита сделала вид, что не заметила его поползновения. Тимур пошел в наступление. Пустил ладонь вверх по запретному пути. Или не запретному?..

Рита снова выпила. Для смелости, пьяно подумал Тимур. Но оказалось, эти сто грамм – для большего веселья. Его рука была уже совсем близко, когда она резко поднялась. И отправилась танцевать.

Одноглазый дядя Гоша всюю наяривал на гармони. «Эх, яблочко, да на тарелочке...» Толпа выла от восторга. Рита пошла в пляс, и Скопец пустился вслед за ней вприсядку. Не слабо это у него получается... Хитер бобер. Вроде танцует, а сам все норовит Ритке под юбку заглянуть... Загляделся Скопец. И споткнулся. Сел на задницу.

Откружило «яблочко», поплыл «Сиреневый туман». Дя-

дя Гоша не зря в свое время отсидел десять лет. Умел он выдавливать слезу на приклатненных аккордах. Толпа в упоении закачалась в такт мелодии. И Тимур тоже закачался. В обнимку с Ритой. Типа, медленный танец...

На ее глазах пьяные слезы. И саму конкретно штормит. А Тимур как та мачта, на которую можно опереться... А еще у него есть другая мачта. Которая трется об ее паруса. Рита ощутила его горячую твердь, еще тесней прижалась к нему. Тимур почувствовал, как по ее спине прошла волна мелкой дрожи. Возбудилась баба... Не пора ли в подвал?

Там темно, сыро и душно. Зато там есть кушетка, где можно... Рита своя баба. Видно, что ей не привыкать к шумным компаниям. Самогон как воду хлещет. И ноги, наверное, безо всякого раздвинет...

После танца Тимур повел Риту к столу, но, не доходя, изменил курс. Прямым ходом направился с ней к себе домой. Какой на фиг подвал, если мать и отец гуляют на свадьбе. В комнате никого. Закроется с Ритой и... Похоже, она и не против. Послушно плетется за ним. Пьяная-пьяная, в глазах похоть. Нет, проблем с ней не будет. А Скопец в пролете. Ну кто ж виноват, что Рита выбрала Тимура. А она его выбрала. Не зря же она жалась к нему весь вечер.

Он завел ее в подъезд. Вслед за ним туда же шмыгнул Олег.

– Эй, тормози! – Это его голос услышал Тимур за спиной. Пацана, похоже, на шизу пробило. Глаза злые, губы тря-

сутся, самого колотит.

– Да пошел ты! – отмахнулся от него Тимур.

А что он такого делает? Он же не собирается насилловать его сестру, все по обоюдному согласию.

– Я сказал, стоять!

Олег уже хотел броситься на него, но его самого взяли в оборот. Скопец и Холера подошли к нему со спины и разом заломили руки за спину. Теперь этому дятлу никакой бокс не поможет.

– А ну пустите его! – взывала Рита.

Она со всех сил оттолкнула Тимура от себя, подбежала к своему Олегу. Попыталась ударить Гену и Валеру. Не достала. Но все же добилась, чтобы брата ее отпустили.

Олег – боец отменный. Он мог бы снова вломить и Скопцу, и Холере. Но вместо этого он обнял Риту за плечи и увел с собой в соседний подъезд. Преследовать их никто не стал...

– Блин, такой кайф обломал, – сочувственно глядя на Тимура, покачал головой Валера.

– Да ладно, хрен с ними. Как-нибудь в другой раз...

– Может, и мне что обломится, – мечтательно зевнул Гена.

– Может быть, – не стал спорить Тимур.

Он вернулся к столу, плеснул под жабры. Была надежда, что Рита оставит своего чокнутого братца и вернется к нему. Но, увы, в тот вечер она так и не появилась.

А на следующий день Тимур с пацанами уезжал на шабашку. Валера состыковался с каким-то деятелем. Тот соби-

рался строить дом, и Холера договорился с ним, что вырывает яму под фундамент, траншею под трубы и разгрузит машины с цементом и кирпичом. Работа потная. Зато заплатят неплохо. Лето когда-нибудь закончится. Надо же костюмчик для бursы прикупить. Да и на новое пальто неплохо бы заработать...

Глава третья

Тимур был доволен. За неделю каторжного труда он заработал ровно двести рублей. И на костюм хватит, и на обувь. Куртку какую-нибудь дешевую к зиме купит. Нормально.

Можно было еще где-нибудь пошабашить. Но, как известно, от работы кони дохнут. Не хотел Тимур, чтобы кто-то на его горбу в рай въезжал. Пусть негры вкалывают. А он белый человек...

А негры в Стране Советов есть. Сестренка Олега и Риты тому пример... Но она еще маленькая. Пока подрастет...

Тимур зашел в свой двор и первым делом бросил взгляд на качели. Может, качает боксер свою обезьянку... Ему вдруг стало стыдно. Какая ж она обезьянка? Человек она. Самый настоящий человек. И притом маленький...

– Валера, в магазин надо сходить, – неожиданно для себя решил он.

– Какой магазин? – непонимающе уставился на него Холера. – Водку только после двух толкать будут... Я лучше к Михалычу схожу. У него первачок...

– Какой, на фиг, первачок? – поморщился Тимур. – За шоколадкой надо сходить... Девчонку мы обидели. Это, дите Олимпиады которое. Подмазаться бы надо...

– Ага, – кивнул Скопец. – И к Ритке подмазаться надо... Но это опять же пузырь нужно брать...

Тимур разочарованно вздохнул. Ну что за житуха такая, все через бухло делается. Хотя, конечно, неплохо было бы с Риткой на карьер замылиться. Поляну бы накрыли, все дела. Баба она свойская, ей не привыкать ханку на природе глушить...

– О! Боксер нарисовался! – сообщил Холера.

И точно, из подъезда выходил Олег. Белая рубашка, черные наглаженные брюки. Весь такой чистенький, интеллигентный. Как будто не в одной с ними грязи живет... И его сестренка тоже чистенькая. Только вот рожица грязная. Но это от природы.

Олег вышел не для того, чтобы сестренку на качелях качать. В руке хозяйственная сумка. По делам куда-то идет. Вместе с сестренкой...

Тимур перегородил ему путь.

– Привет! – миролюбиво поздоровался он. – Как дела?

– Плохо, – останавливаясь, исподлобья посмотрел на него Олег.

Глаза злые, желваки на скулах вздуваются. И корпус наклонен вперед. Как будто вот-вот в драку бросится... Придурок, с ним же по-хорошему. А он в бутылку лезет.

– Что-то случилось?

– Случилось!

– Слушай, а че ты быкуешь? С тобой же чисто по-человечески. А ты рога выставляешь...

– По-человечески?! – вскипел Олег. – А с матерью моей

тоже по-человечески?!..

– Ты че гонишь? Да я твою мать и знать не знаю...

– Знаешь... Ты ее домой к себе тащил...

– Так то ж Ритка была... Пстой, пстой... Она что, твоя мать?! – очумело спросил Тимур.

– Мать!

Олег пристально смотрел ему в глаза. Взгляд резкий, сильный.

– Бляха-муха-цокотуха! Откуда ж я знал... Слушай, так ей же и тридцати нет...

– Тридцать четыре... Она меня в семнадцать родила... Только не о том сейчас разговор. – Олег продолжал буравить Тимура пронизывающим взглядом.

– А о чем?

– Мама сейчас в больнице. Ножевое ранение...

– Как ты сказал?

– Как слышал, так и сказал... Ножом ее порезали. Сначала изнасиловали, а потом порезали...

– Кто?

– А это я и хочу выяснить.

– Я не понял, ты что, на нас думаешь?.. Слышь, пацан, ты на меня так не смотри. Не надо на меня так смотреть. Я твою маманю не трогал...

Да, дела. Какая-то падла порезала непутевую Риту, а Олег грешит на Тимура...

– Не, ты че, в натуре, не трогали мы твою маманю, зуб

даю! – пальцем щелкнул по левому клыку Скопец. – Она бы и сама...

Холера не растерялся. И пнул его ногой. Гена заткнулся. Понял, что чушь сморозил.

– Короче, Риту мы не трогали, это без вариантов, – сказал Тимур. – И в больницу к ней мы сейчас вместе пойдём...

– Ага, разогнался, – презрительно усмехнулся боксер.

– А тебя никто не спрашивает, понял? – отрезал Тимур. – Хочешь ты этого или нет, но ты – наш сосед. И Рита – наша соседка. А за соседей мы любому глотку перегрызем. Так у нас повелось, понял? Мы своих в обиду никому не даём!..

Тимур был убежден в своей правоте. И плевать ему, хочет Олег или нет, чтобы они шли с ним.

Рита являла собой печальное зрелище. Лицо забинтовано, только щелки для глаз и вырезы для рта и носа, руки тоже в бинтах.

Тимур уже узнал от Олега, как было дело. Рита приползла домой вся в крови. На лице, груди и руках порезы. Какая-то тварь изнасиловала его мать и вдобавок пописала ее ножом.

Порезы глубокие. Возможно, на лице останутся шрамы. А Рита этого очень не хотела. Ей нравилось быть красивой. Ей нравилось гулять с мужиками. Гуляющая баба. Шалава... Но ведь бешенство матки – это ее личное горе?

– Зачем... Зачем вы пришли? – с упреком глядя на Тимура, спросила она.

Видно, ей вовсе не хотелось, чтобы ее видели в таком со-

стоянии.

– Все нормально, Рита, все путем... Это тебе! – Тимур положил в тумбочку пакет с фруктами и конфетами.

Они же не чумоходы какие-то, чтобы заявляться к больной с пустыми руками.

– Кто тебя... Кто это вас?

Он исправился. Рита – мать Олега. А тому тоже семнадцать лет. И, если разобраться, она годится в матери самому Тимур. Негоже с ней на «ты».

– Не знаю...

На глазах у нее заблестели слезы. И дыхание перехватило. Сейчас разрыдается... Но Рита пересилила себя.

– Менты были? – спросил Тимур.

– Были.

– Что ты... Что вы им сказали?

– Ничего не сказала. Я так ничего и не поняла... Они внезапно появились. Бутылкой по голове... Я ничего не помню. Ничего... Очнулась, вся в крови, больно... Домой пошла...

Тимур, конечно, не мент. И следствие вести не умеет. Но он должен достать тех уродов, которые надругались над Ритой.

– И где все это было?

– Мы на Белоречке купались...

– Кто это – мы?

– Ну, с другом... Но Гарик здесь ни при чем...

– Какой такой Гарик? – нахмурился Тимур.

Оказывается, у Риты был друг. В принципе, это не удивительно. Звали его Гариком. Грузин. И тут ничего такого. Если Рите не запахло было с негром переспать, то с хачиком и подавно.

– Ты ментам про Гарика этого говорила?

Тимур разошелся. И уже забыл, что с Ритой нужно на «вы».

– Нет... Плохо мне было. Ничего не могла говорить. Только сегодня вот могу... А вам-то что до всего этого?

– Узнаешь... – отмахнулся от глупого вопроса Тимур. – Потом узнаешь. А сейчас ты мне скажешь, как этого Гарика найти...

За Гариком нужно было ехать аж в Москву. Вернее, в Зеленоград. А это без малого тридцать кэмэ. Пришлось Гене задать жару своей «Яве». Все нормально было, если не считать, что мотоцикл по пути два раза ломался. Всего два раза...

Гарик жил в двенадцатиэтажном доме. Неплохо устроился. Двухкомнатная квартира, новенький «Жигуль» одиннадцатой модели. Московская прописка. Получалось, в нем было больше русского, чем грузинского. И все равно хачик...

К нему в квартиру Тимур не попал: дома никого не было. Зато видел машину. Оранжевый «жигуленок» лихо затормозил у подъезда. Гарик выскочил из машины, обошел ее спереди, бодро распахнул правую переднюю дверцу. Галантный кавалер, этио мать. Белый костюм, черная бабочка. Модель-

ная стрижка, аккуратные усики. В общем, вид не чмошный. Зато душа у этого козла чумовая...

Из машины выбралась пышнозадая крашенная блондинка. Такая же лярва, как и Рита... Но Рита – своя. Какая бы она ни была, а за нее надо спросить. Кровь из носу, а надо...

Тимур поднялся со скамейки, перегородил хачику путь. Рядом выросли Гена и Валера... Интересно бы посмотреть на эту картину со стороны. Он и Гена выглядят старше своих лет. Но все равно не тянут по годам против этого неруся. Гарик – мужик взрослый, уже четвертый десяток разменял. А тут какие-то малолетние обормоты, да еще в позорном шмотье. Затасканные майки, стремные брюки, башмаки каши просят...

Но, видно, было в них что-то, чего испугался хачик. Или он по жизни шугливое бздыхло, или чего-то конкретно боится.

– Э-э, ребята, вам чего? – останавливаясь, робко спросил он.

Зато его баба оказалась посмелей.

– Мальчики, а ну валите отсюда! – заорала она. – А то милицию вызову!..

– Заткнись! – сквозь зубы процедил Тимур.

И зыркнул на нее свирепым взглядом. Шаболда сразу прикусила язык.

– А тебе... – он зло надавил взглядом на хачика. – Тебе привет от Риты...

Хорошо, что они не взяли с собой Олега. А то бы тот точно
врезал Гарику промеж глаз. И правильно бы сделал.

– А-а, Рита, – задержался Гарик. – Что с ней?

– Да жива Рита, – криво усмехнулся Скопец. – Чего и тебе
желает...

– Только вопрос, желаем ли этого мы, – презрительно
скривился Холера.

– Короче, кто Риту порезал? – жестко спросил Тимур.

– Порезали?.. А ее разве порезали?.. Но это не я...

– А кто?

– Я не знаю... Может, вы от них, откуда я знаю...

Хачика колотил мандраж. Видно, не слабо его зашугали
уроды, которые изнасиловали Риту. Может, они и ему вду-
ли?.. Тимур презрительно усмехнулся.

– Нет, мы сами по себе. И козлов тех ищем... А ты под-
скажешь нам, где их искать...

Гарик ему поверил.

– Да я не знаю, кто они такие, – успокаиваясь, начал он. –
Мы с Ритой просто на берегу сидели...

– Просто?! – истерично взвизгнула баба. – Просто сиде-
ли?!.. Знаю я эту Ритку. Сучка!.. Так ты с ней был, кобель
несчастный!..

Пришлось успокаивать ее. Хачик сам с этим справился.
Отправил ее к себе домой. И облегченно вздохнул, когда эта
дура исчезла.

– Ну так что, сидите вы с Ритой на берегу... – Тимур спе-

шил продолжить разговор.

Эта крашенная блондинка натуральная истеричка. Сейчас еще возьмет и милицию вызовет. Надо ноги поскорей уносить. Тимуру однажды на своей шкуре довелось узнать, что такое ментовка. Посадить не посадят, а на ночь в отделении запрут. Еще и по почкам пинками пройдутся. Менты, они ж от скуки на все руки. И на ноги тоже...

– Ага, сидим, значит. Вино пьем, то да се... А тут какие-то скоты. Меня за руки схватили, куда-то потащили, к дереву привязали... А потом отпустили. Сказали, что если ментам стукну, хана мне... Но вы же не менты, правда?

Типичное трухло. Гниль болотная... Тимур не мог смотреть на него без презрения.

– Я думал, они машину мою заберут... А они нет, отдали ключи...

– Ты сел в машину и уехал, так?

– Так...

– А Рита?... Рита осталась, да?

– Ну, осталась... Я думал, она сама хочет с ними остаться...

– Мурло ты, понял ты кто!.. Короче, как выглядели эти уроды?

– Ну, я только одного запомнил... Но я не помню, как он выглядит. Ну, высокий. Крепкий такой. Майка синяя... Еще что... Да не помню я... А-а, да, у него еще перстень на пальце выколот. Он когда мне кулак показывал, я его увидел...

– Что за перстень?

– Ну, кто на зону ходил, у тех у всех перстни. У этого просто перстень. Темный прямоугольник, и все...

– Еще что помнишь?

– Да что еще, ничего... А, да, темно было уже. Ну, вечер уже был, да. Лиц не видно было. Ну, почти... Нет, честное слово, больше ничего не помню...

Похоже, больше ловить здесь нечего. К тому же улова хватало. Тимур вспомнил, у кого он видел такой перстень. У Черта... А чем эта шваль занимается? Шарится со своей кодлой вдоль реки и выискивает баб. Полину с Инной трахнуть не получилось. Зато Рита пошла на съедение... Отодрал бабу, да еще ножом ее пописал. Гасить таких уродов надо. Без базара гасить...

* * *

Митя Ерш ходил на зону три раза. В общей сложности провел там четырнадцать лет. И его не за какую-то муру замели. Он считал себя правильным воров. Жил по понятиям, все такое.

Раньше к нему не подступись. Тимур хорошо помнил, как лет семь-восемь назад он выписывал круги по Выселкам. Кепка на глазах, в зубах цыбарка, руки в брюки, в кармане нож-лисичка. Сейчас все по-другому. С последней отсидки Ерш вернулся без правой руки. Жизнью, говорит, придавило.

Со старыми кентами он больше не водился. Жил на пенсию по инвалидности, с мужиками в домино резался, самогон жрал. О жизни своей лагерной рассказывал. Про руку отрубленную ничего не говорил, а обо всем остальном – всегда пожалуйста.

И сегодня с готовностью откликнулся на просьбу Тимура. – Перстень, говоришь. Темный прямоугольник... – Ерш задумчиво вознес к небу глаза. – Есть такое... Это, если наполовину темный, поперек, – это значит «не подам менту руки». А если по диагонали... Если по диагонали – это парашник. На чуханов обиженных такую лабуду цепляют... Еще бывает темный, а посередине светлая полоса. Это, типа, прошел зону. Нормальный вариант, без западла. А если три точки на этой полосе, значит, прошел зону вафлером, понял? У нас все петушары такую масть носили, сечешь?..

– Да я-то секу. Только я тебя про темный прямоугольник спрашиваю...

– Есть и такое, – с хитрым прищуром посмотрел на Тимура Ерш. – Все темное – это от звонка до звонка... Я тоже от звонка до звонка срока свои мотал. И что, видишь у меня такой лепень?.. Не видишь. Потому что нет пальцев. На зоне остались... Но я бы себе такую фиговину лепить не стал. Потому что за черной меткой белая полоса с тремя точками остаться может. Улавливаешь смысл?.. На зоне петух со своей мазней ходит, а на воле все чернотой замазывает. Получается, он нормально от звонка до звонка срок мотал. А он

пидор. Самый натуральный пидор!.. Ты это все зачем спрашиваешь?

– Да гад, который Ритку порвал, у него чернота на пальце. Он тоже срок мотал...

– По какой статье?

– Да не знаю, – пожал плечами Тимур.

– А ты покумекай, да. Он Ритку силой распечатал. Насильник он, по жизни... Значит, и на зону за мохнатый сейф пошел. А там его и опетушили. В смысле, пидором заделали... Слышь, я это к чему порожняк с полосами да точками погнал. Да к тому, что этот козел кочетом на зоне мог быть. А так оно и есть. Бля буду, если не так... Погоняло у него какое? Я, если что, справки насчет него наведу. Есть у меня один кент. Он это дело в два счета прокусит... Ну так как погоняло?

– Черт.

– Черт?! – презрительно скривил губы Ерш. – Да это вафло, по жизни... Черт на зоне – это чуть лучше, чем петух... Он что, этот муфлон, еще и козыряет своим погонялом?

– Ну да, кодла у него своя. Типа, крутой...

– Знаю я этих бакланов. На зоне с параша жрут, а на воле пальцы веером... А у самого дупло как труба у парохода... Ты это, делать с ним что собираешься? За Ритку спросить надо, да. Наша баба. Хоть и лахудра, но лично я бы за нее спросил. Только куда мне с моей культей?.. Ну так что делать собираешься?

– Да что-нибудь придумаем... Ладно, пора мне. Пацаны ждут...

Сразу после разговора с Ершом Тимур отправился на дискотеку. Хотя, если честно, идти туда не хотелось. И вовсе не потому, что можно нарваться на «обезьян» с шинного завода. Драки его не пугали. Даже в кайф кулаками помахать.

Девки на танцах клевые. И одеваются отпадно. Джинсы забугорные, шелковые блузки «маде ин не наше». Все чики-пуки. Тимур может крутовать перед ними сколько угодно. Его будут бояться. Но ни одна клевая девчонка не захочет пойти с ним. Таким девочкам нравятся модные мальчишки. А оборванцев они обходят стороной. А Тимур, как ни крути, и есть оборванец. Дитя трущоб.

Он уже купил себе новые брюки, рубашку с коротким рукавом, даже на туфли хватило. Но все это дешевый ширпотреб. Дерьмо собачье... И все же это лучше, чем та рванина, в которой он ходил...

Летняя танцплощадка находилась на ничейной земле между территорией шинников и владениями «волков». Драки тут чуть ли не каждый день. Зона боевых действий, одним словом. Но девчонки здесь не переводятся. И какие девчонки... Тимур в основном наблюдал за ними через сетку танцплощадки. В самой клетке с этими симпатичными зверушками он редко бывает. И сегодня ему не до того. Намечается очередная драка.

Не зря же к нему подошел Бычок – крепкий жилистый па-

дан с соседней улицы. В первую очередь он пожал руку Тимур, затем Скопцу, Холере, Костылю, Самвелу и еще трем пацанам из его команды. Сам Бычок мог выставить с десятков бойцов. А там если Барысь, Качан и Петля подпишутся со всеми своими пацанами, соберется внушительная стая. Полсотни «волков» – это сила.

– Разведка донесла, что сегодня «обезьяны» будут, – с важным видом сказал Бычок.

– Будут так будут, – усмехнулся Тимур. – Бананами их накормим...

– Аж по самое не хочу, – хмыкнул Холера.

– Это, Барысь скоро будет. Петля уже подтянулся. Качана, жаль, не будет, – выдал расклад Бычок. – Ничего, без него перетопчемся...

– Да перетопчемся... Только «обезьяны» – это туфта, – пренебрежительно сплюнул в сторону Тимур. – На «трояков» надо переключаться...

– Не понял, – косо глянул на него Бычок. – Чем тебе «тройки» не угодили?

– А не угодили... Короче, тут дела такие...

Тимур не стал вдаваться в подробности. Рассказал, как Черт пописал Ритку.

– Это матушка моего пацана, – объяснил он. – Ты его не знаешь. Его Олег зовут. Классный пацан. Боксер. Мастер спорта. Я его тебе потом покажу...

С Олегом у него в самом деле все на мази. Он был и

не прочь пойти с ними на дискотеку. Но сестру свою Чунга-Чангу не на кого было оставить. Ничего, в следующий раз баба Маня девчонку к себе возьмет.

– Базара нет, если «тройки» твоего пацана обидели, надо с них спросить, – кивнул Бычок. – Давай завтра на карьерах состыкуемся. Решим что почем. А сейчас надо с «обезьянами» разобраться...

Разборка состоялась в тот же час. Шинники нагрянули всей толпой, а «волки» их уже ждали. Бычок послал по матери Мурика, тот объяснил ему, в каком положении хотел бы его иметь. И понеслась...

Тимур только вошел в раж. Одной «обезьяне» снес челюсть, вторую швырнул через бедро. Уже почти добрался до третьей, но помешали менты. Налетели на своих «луноходах», сбились в кучу и вперед... А кому в ментовку охота? Никому. Поэтому пришлось делать ноги. На том вечер и закончился.

Глава четвертая

А следующий день начался с карьера. Тимур, Бычок и Петля. Каждый кого-то привел. Десятка полтора пацанов набралось. Мало. Но толпа сейчас и не нужна. Нужно было просто обсудить, как «тройкам» предьяву выставлять.

– Этот Черт – фуфло, – сказал Петля. – Его за нормального пацана никто не держит... Надо с Роланом перетереть. И с Толиханом. Они пацаны авторитетные. Они нам этого Черта сдадут без базаров. А ты, Тимур, с ним сам разберешься...

Тимур молча кивнул. Такой вариант его устраивал вполне. На этом разговор и закончился. Бычок выставил на поляну пятилитровую канистру с теплым пивом, Тимур – два бутыля с самогоном, Петля подогнал пару косяков с планом. А что еще делать пацанам теплым летним днем? Валяться на песке, загорать, купаться в Белоречке и ловить кайф от общения с зеленым змием. А вечером на танцы. Кулаки почесать...

Но кулакам нашлось применение много раньше. Самогон только согрел душу, как появился Черт. Нежданно-негаданно. С ним толпа. Человек двадцать, не меньше. Сам деловой до опупения, короли всего мира рядом с ним не стоят.

Тимур поднялся с земли, встал перед ним в одних семейных трусах. Рядом замерли в напряженном ожидании другие «волки».

– Ты, говорят, видеть меня хотел? – со злой насмешкой спросил Черт. – За какую-то телку спросить собирался, да?

Тимур недоуменно посмотрел на Бычка. Он же вчера только с ним одним говорил о Рите... Да, только с ним. Если не считать, что рядом еще с десятков пацанов топталось. Кто-то стукнул... Бычок легко выдержал взгляд и пожал плечами. Мол, не он это маякнул Черту. Кто ж тогда набарабанил?

– Какую-то бабу на Белоречке порезал, да? – скривил рожу Черт. – И ты на меня показываешь, да?.. Может, ты меня еще и ментам сдать хочешь, а? Если так, знаешь, ты кто?..

Тимур не собирался сдавать его ментам. Не по правилам это. Менты пусть сами этого урода ищут. А он разберется с ним сам... Как? А вот так!

Может, не стоило доводить дело до драки. Но этот ублюдок взбесил его. В ментовские стукачи записал. Ну какой нормальный пацан такое стерпит?..

В этот удар Тимур вложил всю силу. Но Черт успел уклониться чуть в сторону. Кулак лишь чиркнул его по уху.

Черт ударил в ответ. Тимур подставил под кулак плечо. Сам ударил... Все «тройки» скопом ринулись на Тимура, «волки» тут же стали на его защиту. Мясорубка закрутилась в ритме бешеного рок-н-ролла...

«Волки» дрались отчаянно. Но «трояков» было больше. Крепкие пацаны, да еще почти у всех дрова и железяки – дубины, цепи и кастеты... Сначала срубили Петлю. Затем Бычка. С разбитыми в кровь лицами они валялись на земле не

в силах подняться. Их пацаны дрогнули. Схватили своих вожаков и назад.

Тимур остался на месте. Держались и его пацаны... Он понимал, что это глупо. Если бегут все, значит, нужно и ему рвать когти. Но идиотская упертость держала его на месте. А без него Скопец, Холера и Костыль отступить не могли... Хотя нет, Костыль подался назад. И то не убегает, а идет, шатаясь. Держится за глаз, из-под пальцев струится кровь. А какая-то падла напрыгивает на него, сбивает с ног...

А на Тимура наваливается Черт... Вот урод! Тимур только что крепко приложил его головой о камень. И ни фига, оклемался скот. Еще и прыгает...

Тимур извернулся, крепко ухватил его за туловище и резко швырнул его через себя. Правда, и сам не удержался на ногах, свалился на землю вместе с ним... А на Костыля уже трое навалились. До смерти ведь, гады забить могут... Тимур разозлился не на шутку. Это был приступ самого настоящего бешенства. Его силы удвоились. А ненависть вперемешку с кровью застилала глаза.

– На! На! На, гад!!!..

Он сидел верхом на Черте и безжалостно рихтовал кулаками его репу... Черт уже никакой. Еще немного, и глаза задом наперед вывернутся...

Тимур бросил его, метнулся к Костылю, сбил с ног одного «тройка», расшиб головой переносицу второму. Но с третьим справиться не смог.

«Трояки» набросились на него всем скопом, свалили на землю. Тимур понял, что подниматься смысла нет. Против него человек семь-восемь. И он может лишь облегчить свою участь. Если закроется руками...

Его били ногами. И не просто пинали. А отрывали от земли, раздвигали в стороны руки и прицельно били в открытое лицо... В голове каша из воспаленных нервов, перед глазами горячий туман, все тело и лицо – один сплошной сгусток боли. Тимур уже терял сознание, когда перед ним появился Черт. Он не видел его глаз, но краешком избитого сознания догадывался, сколько в них ненависти... Черт подошел к нему, обхватил его лицо руками, оттянул свою голову и... Боль, звон в ушах и красная пустота...

В чувство Тимура привела сильная встряска. Снова бьют, мелькнуло в голове... Саднило распухшее лицо, ныло истерзанное тело. Но эта боль постоянная. Нет новых вспышек... Значит, никто Тимура не бьет...

Он постарался привести в порядок измочаленные мысли, с трудом открыл глаза. И понял, что находится в какой-то машине. И не один. Рядом с ним валяются Скопец и Холера. Именно валяются. На захламленном железном полу...

Это была не просто машина. Это ментовский «козел» с зарешеченным отсеком для арестантов.

Машину трясло на ухабах. Гена и Валера постанывали при каждой встряске. Как и Тимур, они были в сознании. Но лучше бы они были в отрубе.

На них обоих страшно было смотреть. Морды всмятку, тела изорваны – рваная одежда вся в крови. Да и у Тимура вид не лучше... Круто заделали их «тройки». От всей души...

Никогда еще Тимуру так не доставалось. Уличные драки – это всегда жестоко. Но все равно есть какие-то правила. Лежачих, может, и бьют, но не перемалывают в фарш. А тут как раз такая ситуация – «тройки» переломали все ребра, отбили весь ливер, про лица вообще лучше не говорить. Места живого на пацанах нет... Так могут поступать только самые натуральные дебилы и отморозки. Черт сам ублюдочная тварь и пацанов подобрал себе под стать... А команда под ним большая. И это при том, что Ролан и Толихан его не ценят. Но это если верить Петле...

Петле верить можно. Но почему же Черт сумел так лихо развернуться? Почему смог собрать под себя столько бойцов?..

Черту досталось конкретно. Тимур с удовольствием вспоминал, как лупил его по морде... Но, как ни крути, Черт – победитель. Он взял верх над Тимуром, а не наоборот...

И все потому, что Тимур – идиот. Да, идиот! Не надо было собирать толпу против Черта. Глупо это. И смешно... Нужно было подкараулить этого козла где-нибудь в темной подворотне и отметелить по полной программе... А еще лучше завезти куда-нибудь в лес и кончить по-тихому...

Драка дракой. А мокруха – это настоящая жуть. Тимур и думать боялся о таких раскладах. Но сегодня он готов был

замочить Черта. Удушить эту падлу собственными руками... Око за око. Ведь эта тварь чуть не убила Ритку. И сам Тимур со своими пацанами попал из-за него в крутой оборот. Мало того, что из них сделали отбивные, так их еще пустили под ментовскую раздачу...

Наверняка Черт со своей кодлой сделал ноги. А Тимур за все отдувайся... Добраться бы до этого ублюдка!..

Всплеск ненависти резанул по раскаленным нервам, резкой болью отозвался в каждой клеточке тела. Это был самый настоящий болевой шок, от которого Тимур потерял сознание...

Его растолкали менты. Грубо, бесцеремонно. Два сержанта вытолкали его из машины, сбросили прямо на асфальт. Как хочешь, так и поднимайся...

Тимур поднялся. И даже помог встать на ноги Валере. Он поддерживал его с одной стороны, а Гена – с другой.

– Пошли! – толкнул его в спину сержант.

Не зря Митя Ерш называет ментовку абвером. Ну точно фашистские застенки. Только выкриков «Шнеллер!» не хватает и лая овчарок. Зато всего остального в избытке.

Менты не мудрствовали лукаво. Заперли Тимура и его друзей в «обезьянник». Швырнули на захламленный бетонный пол – и все дела. Как хотите, так и выживайте.

Камера жуткая. Вонь от параша, грязный пол, серые размазанные стены. Но Тимуру здесь даже понравилось. Тут его никто не бил, тут не трясло, как в ментовской тачке. А

еще здесь были нары. Грубые, дощатые. Зато на них можно было лечь, растянуться во весь рост, дать покой измочаленным костям...

Отдых и покой – этого мало. Ребра сломаны, в животе каша, почки отбиты. И с пацанами та же история. Тут нужно было не в ментовку их везти, а прямым ходом в больницу... Но какая может быть больница, когда ты живешь в Совдепии. Базара нет, в этой стране все – для блага человека. Только это про тех человекoв сказано, которые за высокой кремлевской стеной обитают. А простые смертные – это шваль, расходный материал. Пыль под ногами избранных...

– Фо... Фы... – Скопец силился что-то сказать.

Но у него ничего не получалось. Губы – как две покрышки от «КамАЗа». И передние зубы – к черту... Ничего у него не получалось. Он в отчаянии махнул рукой и замолчал.

Тимур даже и не пытался говорить. К чему слова. И без того все ясно. В жопе они. И все из-за Черта. Жаль, Тимур не смог башку ему проломить...

Курить хотелось нещадно. И Тимур знал, что делать. Не зря же он общался с Ершом и ему подобными. Бывшие зэки – народ знающий. И в чем-то даже благородные. Они заботятся не только о себе, но и о других...

Тимур пошарил пальцами в щелях между досками и стеной. Сумел нащупать пальцами бычок и спички... Позаботился же кто-то...

Сигареты «Прима». Одна сигарета – «примочка». Поло-

вина «примочки» на трех пацанов. Мало. Но хоть что-то... Тимур раскурил бычок, глубоко затаился. Дым заполнил легкие, приятно всколыхнул кровь, успокаивающей волной приласкал нервы.

Он затаился еще раз и передал сигарету Гене. Тот воспринял ее как манну небесную. В щелочках глаз появился радостный блеск... Валера никак не обрадовался. Даже руки не потянул к сигарете. Каждое движение доставляло боль. Но курить ему охота. Он просто пошевелил губами.

Гена дал ему сигарету, Валера затаился. И тут же какая-то сила сорвала его с места и вывернула наизнанку все нутро. Он заблевал весь пол. Остатки пищи вперемешку с кровяными сгустками. Картина мерзкая и ужасная. Но к Валере никаких претензий.

Он лежал на краю нар и сплевывал мерзкую слюну. Его продолжало трясти, живот скручивало в бараний рог. Но блевать просто было уже нечем.

Валера мог бы вернуться на место. Но у него для этого не осталось сил. На лице – страдальческая гримаса. Наверное, он бы умер с радостью, лишь бы только не мучиться... Возможно, он так думал. Возможно, менты на расстоянии прочли его мысли. Возможно, именно поэтому они ворвались в камеру. С криками и руганью сбросили Валеру в рвотную лужу и давай месить его ногами... Нет, фашисты на такое не способны...

Тимур не мог смотреть, как это сволочье избивает его дру-

га. Он соскочил с нар и прыгнул на спину одному менту. И тут же полетел куда-то вниз, обо что-то сильно ударился головой. И потерял сознание...

Как и в прошлый раз, очнулся он от встряски. Правда, сейчас он никуда не ехал. Просто лежал на пыльном цементном полу, а с двух сторон над ним возвышались менты с пьяными потными рожами. Они методично били его ногами. По животу, по почкам, по ребрам... На этот раз Тимур потерял сознание не только от болевого шока, но и от ненависти...

В чувство его привели холодной водой. Окатили его из ведра с ног до головы. И оставили в покое. Тимур слышал, как со скрежетом закрылась тяжелая дверь.

Он лежал в крохотной камере на голом полу. Нар здесь нет. Только дощатый стеллаж, прижатый к стене. Опустить его мешал замок. А потом, у Тимура просто не было сил дотянуться до него рукой.

Он пролежал на полу весь вечер. В десять часов должен был появиться ментовский надзиратель, чтобы опустить для него стеллаж. Но никого не было. Тимур провел на полу всю ночь.

И только утром его выпустили из карцера. Он плохо помнил, как на своих двоих поднялся на второй этаж, зашел в какой-то кабинет. Сильные ментовские руки вжали его в табурет. Больно... Но он уже привык к боли. Казалось, она стала частью его существования. Кошмар наяву. И где взять силы, чтобы пережить все это и не свихнуться...

Но, оказывается, кошмар только начинался.

Перед Тимуром сидел крепко сбитый мужик в форменной ментовской рубашке с капитанскими погонами. Не лицо, а морда. Красная, потная. Глазки маленькие, горят как два адских уголька.

– Ну, рассказывай, – криво усмехнувшись, предложил он.

Зубы у Тимура вроде целы, губы, правда, раскатаны в лепешку. Но говорить он мог. Только не хотел. Да и не о чем говорить ему с этими извергами.

– Не хочешь говорить? – зло сощурился мент. – Не хочешь... А придется... Расскажи-ка мне, приятель, как ты со своими дружками магазин обчистил...

У Тимура глаза на лоб полезли от удивления. Он-то думал, его будут гноить из-за драки на карьере. А тут кража, которую собираются повесить на него...

Ерш рассказывал ему про ментовские подляны. Появляется у них висяк, то бишь не раскрытое дело. А это минус для их показателей. Начальство недоволено, премий нет, служебный рост под вопросом. В общем, выпутываться надо. Вот менты и выпутываются. Находят какого-нибудь терпилу и вешают на него глухаря. Такая же петрушка и с Тимуром. Кто-то что-то украл, а отдуваться ему.

– Какой магазин? – возмущенно протянул он.

– Ага, заговорил, голубчик! – обрадовался мент.

И тут же снова сделал злое лицо. Выложил на стол железный ломик.

– Знаешь, что это такое?

Тимур испуганно пожал плечами. Такой фомкой в два счета можно проломить череп. И если мент ударит его по голове... А он, похоже, не прочь был приложиться к нему. Гнида ментовская...

– Фомка это. Фомка! – зарычал капитан. – Которой ты вскрыл магазин!..

Тимур мотнул головой. И сморщился от боли. Такое ощущение, будто мозги с шарниров слетели.

– Признаваться будем? – наседа на него мент. – Я спрашиваю, признаваться будем?

Тимур упорно молчал.

– Запираться будем, да? Зря, Беспашный, зря... Я про тебя все знаю. Где ты ночевал в ночь с десятого на одиннадцатое июля одна тысяча восемьдесят шестого года?

– Дома, – вспомнил Тимур.

– А когда ты домой вернулся?

– Как всегда, в половине первого...

– А-а! Признался! – чуть не взвыл от радости мент. – Магазин в половине двенадцатого ограбили. И ты через час домой вернулся... Деньги уже успели растратить?

– Какие деньги?

– Награбленные! Двести тридцать четыре рубля сорок восемь копеек!.. Ладно, разберемся. Оформим ордер, произведем обыск...

А дома у Тимура заначка. А там честно заработанные баб-

ки.

– Есть у меня деньги. Сто сорок рублей. Но это мои деньги. Я их заработал...

– Заработал... Кого ты лечишь? Знаю я тебя, Беспашный. Такие, как ты, никогда не работают!.. Значит, есть деньги. Очень хорошо... Давай рассказывай, как дело было. Оформим чистосердечное признание. А это тебе плюс – срок на суде скостят...

– Какой суд?! Какой срок?! Не знаю я ничего про ваш магазин!..

От волнения Тимур забыл о физической боли. Но мент о ней напомнил.

– Не хочешь сознаваться, да? Ладно...

Он подошел к нему сзади и руками сдавил его сломанные ребра. Острая боль пронизала все тело от макушки до пят. Тимур едва не лишился чувств.

– Что, больно? – злорадствовал садист. – Нет, дружок, это еще не больно...

Он с силой ударил по почкам... Да, гестапо рядом с этим ублюдком отдыхает.

Мент вернулся на место, достал сигарету, закурил. Тимур не предложил. Даже объяснил, почему.

– Тебе курить вредно. Больной ты весь... Ты думаешь, я садист? – куражился он. – Нет, я доктор. Медицинский осмотр проводил. Ребра у тебя сломаны, почки опущены... Может, я ошибаюсь? Еще раз проверить?

– Нет! – самопроизвольно вырвалось у Тимура.

– Не хочешь, значит. Хорошо, что не хочешь... В больнице тебе надо. А то еще помрешь ненароком. А жить-то охота? Охота... В общем, давай так. Ты пишешь чистосердечное признание. Мы отвозим тебя в Серпуховской изолятор, оформляем в тюремную больницу. Постельный режим, лекарства, усиленное питание, все такое прочее. Тебе там будет хорошо...

– А потом на зону, да? – горько усмехнулся Тимур.

– Ну, на зону. Годика на два. Вместо армии... Тебе когда в армию?

– Через год...

– А в армию неохота, правда?

– Охота, – соврал Тимур.

– Слушай, давай не будем чушь городить. Пиши чистосердечное признание и дело с концом... Ну так что?

– Не буду...

– Ладно, – угрожающе усмехнулся капитан. И громко крикнул: – Дима!

В кабинет ввалился здоровенный детина с погонами старшины. Вместе с ним капитан навалился на Тимура, стянул с него штаны.

Это было что-то невообразимое. В руках у мента появился электрический провод. Одним концом он вставил его в розетку, вторым ткнул Тимура в мошонку...

Он не раз испытывал физическую боль. Но то, что было

раньше, сейчас могло показаться сущим пустяком. Только мужчина может представить себе, что это такое электроток, пущенный через яйца...

Эти пытки просто невозможно было вытерпеть. Через десять минут Тимур готов был взять на себя все, что угодно, лишь бы только его больше не мучили.

– Пацаны здесь ни при чем, – еле ворочая языком, сказал он. – Я один был...

– Ну один так один, – великодушно согласился капитан. – Бери ручку и пиши...

Рука не слушалась, дрожала, как у алкаша на похмелье. И все же Тимур сумел нацарапать признание на двух листах. Писал он под диктовку мента-садиста. И мысленно желал ему только одного – чтобы он сдох...

В тот же день к чистосердечному признанию был оформлен допрос в виде свидетельских показаний. Два каких-то алкаша признались, что неоднократно видели злополучную фомку в руках у Тимура. И это при том, что раньше они и в глаза его не видели.

Через пару дней Тимура впихнули в «воронок» и отправили в СИЗО. «Серпы» с мрачной радостью распахнули перед ним свои объятия...

Глава пятая

Тимур не часто ел досыта. И при этом он умудрился вырасти крепким и физически здоровым. Возможно, сказался свежий воздух и уличная закалка...

На нем заживало все как на собаке. Поэтому в тюремной больнице он провел всего две недели. Сломанные ребра срослись, в разбитом брюхе все утряслось, лицо разгладилось, кожа обрела здоровый цвет.

Насчет больницы капитан его не обманул. Медперсонал отнесся к нему с пониманием, никто его не обижал. И кормили здесь неплохо. Даже молоко давали и мясо. Тимур бы с удовольствием остался в больничке до суда. Но у врача было свое мнение.

После больницы ему выдали матрац, постельное белье. И под конвоем повели в камеру.

Вот когда началось его настоящее «тюремное счастье».

Камера была большая. Где-то на тридцать–сорок посадочных мест. Ерш в свое время рассказывал, как парился он в переполненных хатах. Особенно плохо летом – когда жара, духота и смрад.

Сейчас тоже лето. В камере жарко. Душно. Но не было той ужасной тесноты, которой пугал Митяй. Даже имелись свободные койки. Тимур собирался приземлиться на одну из них.

Но он вовремя вспомнил, что говорил на этот счет Ерш.

– Привет, братва! – бодро поздоровался он.

Нужно держаться с достоинством. Делать вид, будто заезд на хату дело для тебя обыденное. Типа, тюрьма – твой дом. Манал Тимур такие дома. Но этот протест против неволи был спрятан глубоко внутри. А внешне он казался просто счастливым.

– Пацаны, к нам новичок заехал! – донеслось от окна.

К Тимурю вышли два здоровяка с отвратными репами и тяжелыми кулаками.

– Кто такой? – угрюмо спросил один.

Он в упор смотрел на Тимура холодным пронизывающим взглядом. Как будто нутро его хотел насквозь просветить.

– Тимур я. Беспашный. Статья сто пятьдесят вторая, часть вторая...

– А-а, нормально...

Кража со взломом – статья уважаемая. Но это не факт, что Тимура примут за своего.

В этой камере были собраны несовершеннолетние преступники. Те, кому еще не исполнилось восемнадцати. Молодежь. Но было бы наивно думать, что законы здесь детские. Как раз наоборот. Малолетки с остервенением соблюдают воровские законы. Многие доводят до абсурда. Ерш говорил, что нет страшнее зоны, чем колония для несовершеннолетних. Шаг влево, шаг вправо, и ты изгой. Если от взрослых воров можно дождаться хоть какого-то снисхожде-

ния, то от малолеток – ни в жизнь. Только дай слабину, вмиг склюют. Да еще и петухом сделают...

– Откуда ты такой хороший? – с недоброй ехидцей спросил второй здоровяк.

Он не просто стоял перед Тимуром. Он рисовался. Смотри, мол, какой я крутой. А вся его крутизна была у него на плечах и груди. Какие-то кресты, обнаженные женщины, средневековые шлемы. Абракадабра какая-то. Но попробуй скажи что против. С дерьмом сожрут...

– Белокаменск. Может, слышал про Волчьи Выселки?..

Но здоровяк даже ухом не повел. Плевать он хотел на какие-то Выселки.

– Кого знаешь? – со скрытой усмешкой спросил он.

Это ключевой вопрос.

Настоящий пацан с детства должен готовить себя к тюрьме. Скажи кому такое на воле, на смех поднимут. А в тюрьме такой расклад – закон. И соблюдается он свято.

Если ты правильный пацан, если ты готовил себя к тюрьме, ты должен был познавать арестантские законы, быть знакомым или хотя бы просто знать воровских авторитетов.

Тимур к тюрьме не готовился. Но кое-кого из авторитетов знал.

– Моню Чабана знаю, – сказал он.

Моня пару раз заглядывал к ним на карьер, пил с ними самогон и догонялся косяком. Говорили, что за ним две ходки на зону, что его там «жуликом» объявили. А это всего шаг-

два до вора в законе... Но пацан со средневековым шлемом на плече никак не отреагировал на Моню. Никто в камере не обронил и звука... Значит, Чабан не канает.

– Моремана знаю, – припомнил Тимур.

Мореман жил в соседнем дворе. Тимур частенько видел его на Белоречке. Деловой такой, весь в татуировках, кепка на глазах, в руках гитара. Вокруг шпана, все в рот ему заглядывают. Мореман говорил умные вещи, не слабо пел блатные песни. Тимур за руку с ним здоровался. Даже гордился этим...

Но и Моремана здесь никто не знал.

Можно было сказать про Митю Ерша. Но Тимур подозревал, что не чисто с ним что-то. Не зря он руку на зоне потерял. Может, скрысятничал или сквозил. Вот братва с ним и расправилась...

Но довольно часто он видел рядом с Митей невзрачного мужичка лет сорока. По улицам он с гитарой не ходил, «синяками» не светил, со шпаной ханку не хлестал. И когда Ерш гнул пальцы перед малолетками, он просто молча сидел рядом с ним, слушал и смолил «беломорину».

Тимур не раз встречал его на улице. Всегда здоровался. Иногда даже за руку. Правда, этим он не особо гордился...

– Еще это, Пацика знаю...

– Пацика?! – ожил здоровяк. – А ну расскажи...

– А чего рассказывать? – пожал плечами Тимур. – Он к нам часто во двор заглядывал. Митя Ерш нас на путь истин-

ный наставлял. А Пацик слушал, головой кивал...

– Митя Ерш?!.. Не, про такого не слышал... А Пацик – это да... А точно Пацик, ты ничего не путаешь?

– Да нет, не путает, – послышался чей-то голос.

Со шконки в блатном углу поднялся какой-то паренек лет семнадцати. Ростом – метр с кепкой. Но держится уверенно, властно. Пацаны перед ним расступаются... Неужто смотрящий?..

Он подошел к Тимур, внимательно заглянул ему в глаза. Что-то отметил про себя.

– Значит, Пацика знаешь?!.. – спросил он.

В его глазах светилась насмешка мудрого человека. А было видно, что парень этот знает жизнь не понаслышке. Молодой он, но уже много чего повидал. Хотя Тимур мог и ошибаться...

– Знаю, – кивнул Тимур.

– А почему же сразу его не назвал? Про Чабана какого-то вспомнил, про Моремана... Может, они авторитетные пацаны, но лично я про них не слышал. А про Пацика – да... Ладно, все это базар-вокзал. Малява тут насчет тебя была. От Пацика. Подписывается он за тебя. Копир сказал, что ты можешь на нашу хату зарулить. Просил принять как человека... Кто такой Копир, знаешь?

Про Копира Тимур слышал. Не зря же две недели в больничке провалялся. Копир – вор в законе, смотрящий в тюрьме. Его слово здесь – закон...

Значит, вот оно как. Чабан и Мореман – это все так себе. Хотя крутуются они конкретно. А Пацик ведет себя скромно, лишний раз нигде не светится. А блатной мир его конкретно уважает. Его слово имеет вес даже для Копира. А Чабан и Мореман... Не все золото, что блестит...

– Значит, говоришь, сам Пацик тебя уму-разуму учил, да? – спросил смотрящий. – Ну, расскажи, как дело было... Кстати, меня Чиком зовут. А у тебя какое погоняло?

Вообще-то его все так и звали – Тимур. Не такое уж это распространенное имя, чтобы клеить к нему прозвище. Так он Чиком и объяснил.

– Ладно, будешь Тимуром, – решил смотрящий. – Но смотри, косяк упорешь, Придуром каким-нибудь станешь или Чухой... Ладно, шучу я, шучу. Если за тебя сам Пацик подписался, то какие могут быть косяки...

Чик освободил для Тимура койку неподалеку от своей, дождался, когда он разместится. Затем позвал к себе.

– Закуривай! – протянул он ему пачку сигарет.

Тимур покачал головой.

– Свои есть...

Он достал пачку «Примы», выбил «бациллу», чиркнул зажигалкой. Чик одобритительно кивнул.

Каждый уважающий себя пацан должен обходиться своим – будь то сигарета, ложка, зубная паста. Можно, конечно, принять угощение. Но сначала нужно убедиться, что в этом нет западла...

Сигарета могла быть опарафинена. В камере хватало изгоев – парашников и петухов. Кто-то мог прикоснуться к пачке. А братъ «бациллу» из такой пачки – большое запаadlo. За это влет опустят. Чик держал эту пачку в руках. Значит, сигареты нормальные. Но ведь он мог невзначай уронить пачку. А Тимур бы взял да по глупости подобрал ее с полу. А он не должен был так поступать. Да он бы и не стал... А вдруг?..

Тимур был благодарен Ершу за тюремные нравoучения. Ох, как они ему сейчас пригодились... Но всего знать невозможно. Поэтому нужно было следовать внутренней логике и правилу на все случаи жизни – не верь, не бойся, не проси. В общем, нужно было вести себя так, как он вел себя среди своих пацанов. Держаться строго и с достоинством. Знать себе цену...

Чик расспрашивал про Пацика, про Ерша, одобрительно кивал головой. Было видно, что Тимур ему нравится. Возможно, он уже считает его за своего...

С Чиком они расстались на доброй ноте. Тимур отправился к себе, лег на шконку. Закрыл глаза. Пока все нормально. Но расслабляться рано. Вернее, расслабляться ему никак нельзя...

Он уже знал, кто такой Пацик. Он – вор в законе. И мало того, смотрящий по целому району. Короче говоря, большой авторитет. Он подписался за Тимура и этим взвалил на него целую гору обязательств.

Тимур никогда особо не бредил воровской романтикой,

он не считал, что украсть – это хорошо. Он не мечтал закончить бурсу, устроиться на завод. Разве о таком мечтают?.. Но бурса и завод – это его путь. И хочешь не хочешь, а нужно по нему идти. Ему не нравилась его жизнь. Пьянки, гулянки, драки. Но в этом он с головой. И о другом не думал... А тут оказывается, он должен принять законы воровского братства, проникнуться блатной романтикой. Только так он сможет стать своим среди юных воров, которые держали масть на этой хате. Только так он сможет добиться их уважения. Только так он сможет оправдать возложенные на него надежды. Ведь если он упорет косяк, если его опустят, Пацик от этого только проиграет – может пострадать его воровской авторитет. А Тимур этого не хотел. Да и собственный авторитет ему очень дорог. Он не привык ходить в «шестерках». И тем более в изгоях...

У него началась трудная жизнь. Его никто не трогал – не лез с кулаками, не оскорблял. Крутые пацаны относились к нему с подчеркнутым уважением. Его держали за своего. И чтобы не ударить в грязь лицом, Тимур должен был следить за собой, контролировать каждое свое движение. Ведь во-круг отнюдь не ангелы. Масть в камере держали настоящие демоны.

Он видел, как загнали на парашу шестнадцатилетнего мальчишку только за то, что он сказал «спасибо». Одного новичка самым натуральным образом опетушили – только за то, что у него были красные носки... Это была не жизнь,

это был кошмар. Но Тимур должен был вести себя так, будто иной жизни он просто не знает. И ему это удавалось. Можно сказать, ему везло...

Прошел месяц.

Тимура вызывали к следователю. Один раз у него был адвокат. Но ни тот ни другой ничего не прояснили. Следователь тусклым голосом зачитал его же чистосердечное признание, составил протокол, заставил под ним расписаться. И был таков. Адвокат что-то невнятно бубнил себе под нос. Словом, тоска...

Он слышал, что заключенные могут находиться под следствием целый год, а то и два. Но в его случае все было куда проще. Следователь явно торопился пополнить свой послужной список еще одним успешно раскрытым делом. Поэтому все материалы уже были переданы суд.

Тимур освоился в камере. Сошелся с тремя нормальными пацанами – двое из Люберец, один – из Орехова. Одного любера повязали за драку, второго за гоп-стоп, ореховского взяли за кражу. Все трое знали себе цену и не давали себя в обиду. Тимур быстро нашел с ними общий язык.

Они жили одной «семьей». Все «дачки» с воли делились по-братски. Часть в «общак», а все остальное – на «семейный» стол.

С «дачками» у Тимура проблем не было. Это на воле он жил впроголодь. А здесь... Передачи для него собирались всем двором. Соседи отрывали от себя последний кусок, что-

бы поделиться с ним. В принципе, так бывало всегда, если кто-нибудь попадал за решетку. В свое время и сам Тимур помогал собирать посылки в тюрьму. Теперь вот собирали ему... Что ни говори, а двор у них очень дружный. Так что не зря Тимур подписался за Ритку. Хоть она и шлюха, но своя...

Шло время. Тимур ждал суда. Но дождался адвоката.

Это был статный мужчина с благородными чертами лица. Холеный, подтянутый, в костюме-тройке явно заграничного качества. От него пахло дорогим одеколоном. И курил он импортные сигареты.

Тимур с удовольствием попробовал «Мальборо». Шик...

– Меня зовут Герберт Юрьевич, – представился мужчина. – Я ваш новый адвокат...

Он говорил внятно. Взгляд чистый, проникновенный. От одного только его вида появлялась надежда на благоприятный исход дела. А в ходе разговора Тимур и вообще воспрял духом.

Адвокат внимательно выслушал его, пролистал папку с материалами дела. И обнадеживающе улыбнулся.

– Интересно, на что они рассчитывали? – усмехнулся он про себя. – Это же все филькина грамота... Чистосердечное признание – чистой воды липа. Это ж невооруженным глазом видно. Показания свидетелей – полный абсурд. Где заключение экспертизы, что на орудии преступления обнаружены отпечатки пальцев?.. Следственный эксперимент не проводился. Да-а...

Герберт Юрьевич снова достал сигарету. Для себя. Пододвинул пачку Тимуру.

– А можно две?

Уж больно вкусное это «Мальборо».

– Да забирай все, – великодушно разрешил адвокат. – Тебе еще долго здесь быть. Как минимум, неделю...

– А потом что, суд?

– Суд?!.. Да нет, думаю, до суда дело не дойдет... Особо обнадеживать вас не буду, но это дело и выведенного яйца не стоит. Дутое дело... Вас просто подставили, молодой человек. У вас нет состоятельных родителей, влиятельных родственников. За вас некому заступиться. Поэтому вас и бросили под танк... Ничего страшного, я вас вытащу... Для начала напишите заявление, что признательные показания из вас выбивались силой. Затем вы отказываетесь от своих показаний. А во всем остальном положитесь на меня...

Тимур сделал все, как велел адвокат. И ровно через неделю за ним пришли.

– Беспашный, на выход! – крикнул вертухай. – С вещами!..

Оказывается, адвокат в два счета разрушил дутое дело, и прокурор постановил освободить Тимура из-под стражи за отсутствием состава преступления.

Тимур хотел поблагодарить своего адвоката. Но его нигде не было. Не соизволил явиться. Зато был следователь. Он с недовольным видом зачитал постановление об освобожде-

нии и кисло пожелал больше не попадаться...

Все так просто. Сидел, ждал суда, и на тебе, свобода. А ведь Тимур всерьез готовился получить срок и по этапу отправиться на зону. Но ему повезло... Повезло с адвокатом...

Хотя нет, везение здесь ни при чем. Хорошие адвокаты на дороге не валяются. Хорошие адвокаты нанимаются за деньги... А кто же тогда нанял Герберта Юрьевича? Это не какой-то там общественный защитник. Он настоящий адвокат. И, судя по всему, он зарабатывает неплохие деньги. Импортный костюм, дорогой одеколон, «Мальборо». Видно, что мужик живет не на зарплату... Кто ж это подсуетился? Кто оплатил услуги адвоката?..

Впрочем, Тимур не долго ломал голову над этой загадкой. Отгадку он нашел сразу за воротами следственного изолятора. Она сидела за рулем новенькой белой «семерки». Это была Полина...

Тимур просто не поверил своим глазам, когда увидел ее. Она вышла ему навстречу. Красивая, модная, ухоженная от корней волос до кончиков ногтей. Как будто какая-то древнегреческая богиня с небес спустилась. Он даже ущипнул себя. Вдруг все это ему снится...

Но нет, это не сон. Полина в самом деле идет к нему. Легкая походка от бедра, цокот каблучков, пьяная волна французских духов... Тимур представил, какие волны исходят от него, и чуть не покраснел от стыда.

Полина смотрела на него с живым интересом. Мило улы-

балась... Но где-то в глубине глаз таилась брезгливость. Такое ощущение, будто она пыталась ее утопить, но она как поплавок все норовила выскочить на поверхность...

– Привет, – ярко блеснула она ровным рядом белоснежных зубов.

В порыве восторженных чувств она подалась вперед, чтобы протянуть ему руку. Но что-то ее остановило.

И Тимур понял, что. Он вызывает у нее отвращение... Тогда непонятно, чего она здесь делает?

– Че надо? – грубо спросил он.

Ему не нравилось поведение этой пигалицы. Снова она всем своим видом дает понять, какая она хорошая, раз снизошла к нему, к грязному и пропащему человеку.

Да, он грязный. И нищий. У него сейчас нет ни копейки денег, чтобы добраться домой. Но он не пропащий. Он свободный человек, и у него впереди целая жизнь. А Полина... Полина для него инопланетянка, девушка с другой цветущей планеты. И не надо снисходить к нему с небес. Пусть летит к себе. У нее своя орбита, у него своя. И не фиг им пересекаться...

– Как это что надо? – с легким удивлением и укором покачала она головой. – Вот, тебя встречать приехала...

– Ты сумасшедшая?

Прежде чем ответить, Полина немного подумала. Вызывающе посмотрела на него.

– Да, сумасшедшая... Дернул меня черт связаться с то-

бой...

– Ну и не связывалась бы. Зачем приперлась?

– Слушай, ты из какого леса вышел?

– Из этого, – кивнул он на мрачное здание СИЗО.

– Нет, ты из джунглей. Где много-много обезьян...

– А тюрьма – это и есть джунгли, – криво усмехнулся Тимур. – И обезьян там хватает...

– Я ему про Ивана, а он мне про болвана. – Полина смотрела на него как на безнадежного больного. – Дикий ты какой-то... Я с отцом насчет адвоката договорилась, насчет всего остального... Ты думаешь, почему тебя выпустили?..

– Хочешь сказать, что благодаря тебе?

– А кому ж еще...

– Да? А как адвоката звали?..

Тимур уже давно не тот наивный пацан, каким был раньше. Ему лапши на уши не навешаешь...

– Ты что, мне не веришь?

– Ты же сама сказала, что я из джунглей. А там на веру ничего не принимают...

– Герберт Юрьевич его зовут, доволен?

– Доволен, – кивнул Тимур. – Только я не пойму, с чего это ты подписалась за меня. Ну, в смысле, зачем помогла?

– Здравьете – приехали. Ты что, меня за неблагодарную дурку держишь? Я, между прочим, умею помнить добро. Вы меня тогда от насильников спасли... Теперь вот я тебе помогла...

– А как ты узнала, что я здесь?

Полина хотела ответить с ходу. Но не получилось. Потянулась пауза.

– Ты что, узнавала обо мне? – помог ей Тимур.

– Ну да, узнавала, – замялась она. И тут же приободрилась. – Узнавала!.. Ой, только не надо думать, что я за тобой бегаю!..

– А я и не думаю, – усмехнулся он.

Хотя на самом деле он именно так и думал... Вряд ли Полина влюбилась в него. Это слишком. Он ей просто понравился. Может же богатой путешественнице понравиться симпатичный негр-туземец... Тимур – белый. Но для Полины он негр. Экзотический экземпляр, прихоть избалованной особы...

– Слушай, а что ты из себя строишь? – разозлилась она.

А это должно было случиться. Богатая путешественница думала, что туземец упадет перед ней ниц, начнет вылизывать ее белые ноженьки. А банан с пальмы ей по всей морде...

– Я ничего из себя не строю. Я такой, какой есть... А вот кого ты из себя строишь?.. Благодетельница, блин, нашлась... Я вообще не понимаю, зачем ты сюда приехала? Рассказать, какая ты хорошая?.. Хорошо, я уже знаю, что ты классная девчонка. Я тебе по гроб жизни благодарен... И все, больше нам с тобой говорить не о чем...

А действительно, о чем им говорить? Они живут на разных планетах и разговаривают на разных языках. У нее

тачки, шмотки дорогие, видеомагнитофоны. Круг друзей из «золотой молодежи». Влиятельные папики, распахнутые двери в будущее. А у него свой мир. Карьеры, шпана, пьяные драки и нищета. И дверь в будущее с решеткой и под замком. В ее мир ему тоже нет хода... О чем им говорить?..

– Почему не о чем? – в раздумье протянула Полина. – Мы можем поговорить...

Она запнулась. Поняла, что Тимур прав на все сто процентов. Нет у них точек соприкосновения. Не могут они говорить на равных. По-любому, она будет выступать благодетельницей, а он благодарным идиотом... Нет, такие расклады ему ни к чему.

– Это, спасибо тебе за все, – серьезно, без тени насмешки, сказал он. – И удачи тебе... Все, бывай!..

Тимур резко повернулся к ней спиной и гордо зашагал прочь.

Вообще-то он мог бы чмокнуть ее в щечку на прощание... А вдруг ее стошнит?.. А ведь стошнит. Как ни пыталась она скрыть свою брезгливость, было видно, какое отвращение вызывает в ней Тимур... Отвращение. И вместе с тем жгучий интерес. И хочется, и колется... Поколется и перестанет...

– Дурак! – возмущению Полины не было предела. – Я же с тобой по-хорошему. Я же подвезти тебя хотела...

Тимур не ответил. Просто поднял вверх руку. Типа, но пассаран. Спасибо за все, но мы уж как-нибудь сами.

Он не видел, с каким лицом она садилась в машину. Но

слышал, как взревел мотор. Полина с места взяла в карьер и была такова...

Тимур испытал облегчение. Баба с возу – кобыле легче. И все же осталось сожаление. Не нужно было с ней так грубо. Она-то хотела как лучше... Но ведь он ей не ровня. И она сама это прекрасно понимала.

Нашла уличного пацана. Поиграться с ним захотела. А дудки! Пусть со своими мальчиками-мажорами играет. С ними-то никаких забот... А Тимур – босяк по жизни. И куда ему со своим свиным рылом лезть в калашный ряд...

А ведь он хочет быть своим в калашном ряду. Хочет... Но не знает, как туда попасть. Не знает, но ведь можно узнать...

Он всегда догадывался о существовании двух миров. И сейчас он четко осязал разделяющую грань. И так же четко осознал, как трудно пересечь ее на белом коне. Но он попробует... Пьянки на карьере, бессмысленные драки район на район, завод и комната в общаге на будущее – это не по нему. Вот это он уже знал точно...

Глава шестая

Пацаны встречали его как героя. Налетели на него со всех сторон. Холера, тот запрыгнул на спину, Скопец полез обниматься. Дворовые мужики побежали в магазин за водкой. Митя Ерш крепко сжал его руку и долго-долго ее тряс.

– Ну, Тимура, молодца!

Он потащил его в беседку. Посадил за стол.

– Я уже в курсах, что ты на киче не облажался, – сказал Ерш.

Сейчас он вел себя как смотрящий по хате. Взгляд строгий, сосредоточенный, властные манеры. И куда только делся недавний пьяница Митяй. Не, в натуре, серьезный, всеми уважаемый пахан или что-то вроде того. Пацаны слушали его с раскрытыми ртами.

– Антон Михайлович тобой доволен...

Антон Михайлович – это Пацик. В присутствии простых пацанов уважаемых людей по прозвищам не называют. А Пацик – очень уважаемый человек. Кому как не Тимуру об этом знать.

– Мое почтение. И ему, и тебе, Митяй... – с важным видом изрек Тимур. – Это, за все вас благодарю...

Пацаны смотрели на него с восхищением. И не удивительно. После тюрьмы его авторитет поднялся на небывалую высоту.

Митяй поднял единственную руку, махнул ею. Пацанов как ветром сдуло.

– Как дальше жить собираешься?

– Да думаю, – пожал плечами Тимур. – Может, что подскажешь?

Митяй одобрительно кивнул. Он как будто ждал, что к нему обратятся за советом.

– Подсказать? Подсказать-то я могу... – медленно, с расстановкой проговорил он. – Ты мне вот что скажи, как ты на ментов смотришь?

– Век бы их не видеть, – горько усмехнулся Тимур. – Я их и раньше не любил. А сейчас я их просто ненавижу...

Может, где-то и существуют честные менты. Но Тимур таких не встречал. Подлые мусора не за хрен собачий сунули его за решетку. Могли бы сломать ему жизнь. И как он должен о них после этого думать?.. А сколько невинных людей сидит сейчас по тюрьмам...

– Мстить будешь? – испытующе посмотрел на него Ерш.

Тимур думал не долго.

– Нет, – покачал он головой. – Не буду. Какой в этом смысл?.. Но на один гектар кезать не сяду, это точно...

– И то верно, – одобрительно кивнул Митяй. – Менты – это чума. Их стороной обходить надо. А мстить – дело дохлое. Да и хлопотно это... Нормальные люди с ними не связываются. Но руки им не подают... Ладно, все это, типа, приписка. В общем, расклад такой... То, что ты на киче был, –

это, конечно, плюс. Но среди наших ты еще пока никто. Извини, конечно, за прямоту...

– Да я понимаю, – упавшим голосом согласился Тимур.

В принципе, Митяй был прав. Воровской мир – особый мир. Здесь своя иерархия. И короли свои есть, и пешки... Тимур даже не пешка. Он вообще никто. У него нет никаких обязательств, никаких заслуг. Но ведь он может стать пешкой. И все к этому идет. Не зря же Митяй завел этот разговор.

– Это хорошо, что ты понимаешь... Я тебе вот что скажу. Пацик тобой доволен. Сказал, что из тебя может выйти толк... Хочешь знать, что он еще сказал?

– Ну.

– Ну-у, – передразнил его Митяй. – Ты сначала скажи, хочешь ты быть с нами или нет.

– Хочу, – кивнул Тимур.

Всего одно слово. И как много оно значит. Это черта между прошлым и будущим. Одно дело строить из себя крутого «волка» с песчаного карьера в махачах стенка на стенку. И совсем другое – принадлежать к мрачному, как сама жизнь, воровскому миру. Ты становишься частицей единого организма, у тебя появляются обязательства перед кланом. В конце концов ты уже не принадлежишь себе. А дом твой – тюрьма... Страшно. И в то же время притягательно...

– Нормальный ответ, – кивнул Ерш. – Пацик так и думал, что ты не фуфло... В общем, расклад такой. Пацик хотел бы,

чтобы ты собрал команду бойцов. Ты на киче был, должен понимать, о чем базар.

Тимур кивнул. Да, он все понимает... Бойцы, гладиаторы, торпеды – это ударная сила воровских паханов. Наверняка у Пацика есть силовая поддержка. Без этого он как без рук. Но, видно, у него на будущее большие планы. И ему нужны дополнительные силы. Поэтому он делает ставку на таких пацанов, как Тимур...

– Человек семь-восемь, думаю, будет в самый раз, – сказал Митяй.

– А дальше?

– На этом пока все... Собирай команду и жди, когда тебя позовут для дела...

Тимур думал, что Пацик уже сейчас позовет его к себе. Возьмет с него клятву верности, познакомит с авторитетными людьми, даст задание наконец. А оказалось, что все буднично просто. Он всего лишь должен собрать команду гладиаторов. Всего лишь, и больше ничего... Да, пожалуй, Митяй прав на все сто. Для воровского клана он – Никто. И зовут его Никак.

Он соберет команду. Поставит ее на ноги. А за ним будут наблюдать. Глазами того же Митяя. И если Тимур не свернет с правильного пути, не скурвится, только тогда он станет своим, только тогда с него возьмут клятву верности и приобщат к большому делу...

– Я все понял. И я все сделаю... – Тимур жестко чеканил

каждое слово. – Все будет путем.

– Ну вот и договорились, – ободряюще подмигнул ему Ерш. – Вон, Палыч с Иванычем ханку несут. А закирять бы не помешало...

Он снова превратился в бесшабашного беспонтового Митяя. А Тимур вспомнил, что у него не хватает одной руки.

Ерш поднялся, чтобы выйти из беседки.

– Это, вопрос есть, – остановил его Тимур.

В его взгляде не было ни капли заискивания. Он еще не принадлежит воровскому клану. Он всего лишь в проекте. И к Митяю, как к своему наставнику, он может относиться лишь с уважением. А какое уважение, если не все с ним ясно.

– Ты руку как потерял?

Митяй не ожидал такого вопроса. Лицо его недовольно вытянулось. И только спустя какое-то время в глазах снова появилась задоринка. На губы легла дружелюбная улыбка.

– А на красной зоне я был. С суками схлестнулся... Но ты не думай, эти козлы горько об этом пожалели...

Тимур слышал про красные зоны. Их еще называют сучьими. Там правят бал активисты, или ссученные вору. И с кем-то из них Митяй что-то не поделил. Потому и остался без руки... Так что нет за ним никаких косяков. А делами своими воровскими он не занимается по одной причине – много ли можно сделать одной рукой? Потому и отошел от дел. Но не отвернулся от воровской идеи. И то, что он в кентах с самим Пациком, наглядное тому подтверждение...

Что ж, Тимур готов признать его своим куратором. Надо только подождать, когда его приобщат к большому делу... Только, если честно, не очень охота ему быть в этих делах. Но он уже натянул поводья. И свернуть в сторону – как-то запаadlo...

Только Митяй вышел из беседки, как вокруг Тимура образовалась толпа пацанов. Среди них Скопец и Холера. Этих двоих он однозначно берет в свою команду. Остальная дворовая пацанва – мелочь пузатая.

Еще можно будет подпрячь Малика с Костылем. Самвел еще есть. Можно из команды Бычка кого выдернуть. В общем, надо подумать... И Олега надо бы к этому делу подпрячь. Пацан он вроде боевой...

– А где Олежек? – спросил Тимур.

– Так он это, на тренировке. Он на шинном в клубе занимается. Там секция, вот он там сейчас и тренируется... Скоро должен быть.

– Как там Рита?

– А что Рита, – пожал плечами Скопец. – Дома уже. Выписали из больницы... Видел бы ты ее. Лицо все в шрамах, брр... Она ж вены себе вскрывала, еле откачали...

Олег появился в самый разгар застолья. Прошел мимо как ни в чем не бывало.

– Эй! – остановил его Тимур. – А ну иди сюда!

Олег скупо улыбнулся, вяло помахал ему рукой. И медленно, нехотя направился к столу. Сел рядом с Тимуром. От

водки отказался наотрез.

– Я не пью.

– Что, вообще?

– Вообще. Режим у меня...

– Это хорошо, что режим... А мы тут калдырим.

Тимур уже был хорошо под загрузкой. После тюрьмы, да не выпить...

– Ну так понятное дело.

Казалось, Олег ищет предлог, чтобы уйти. И точно.

– Я рад, что у тебя все в порядке. Но ты извини, мне домой надо. Мне через час в ночную...

– Какая ночная? Ты что, работать устроился?

– Да, на завод. На склад чернорабочим. Хоть какие-то деньги...

– А днем?

– Днем школа, тренировка...

– Ну ты, брат, даешь. От работы кони дохнут...

– Я не конь.

– Не конь. Но телегу-то тащить приходится...

– Мать у меня на руках, Тина. Должен понять... Ну так что, я пошел?

Тимур не хотел его отпускать. Нравился ему этот пацан. Своей серьезностью нравился, основательностью. О матери думает, о сестре. Работать устроился. И это помимо школы и тренировок...

– погоди, не торопись, – остановил его Тимур. – разговор

есть. Насчет твоей матери.

Олег вмиг помрачнел.

– А чего о ней говорить? С ней все в порядке...

– Говорят, она вены себе вскрывала.

– Слушай, тебе не все равно? – раздраженно спросил

Олег.

– Не-а, не все равно, – покачал головой Тимур. – Твою мать Черт порезал. А у меня с ним свои счеты. И за Риту я должен спросить...

– Ну и что ты с ним сделаешь? – с гремучей насмешкой спросил боксер.

Тимура это задело.

– Башку ему скручу, вот что...

– Посадят... Знаешь что. Давай оставим это дело. Не надо трогать Черта. Ни к чему хорошему это не приведет.

– Слышь, я не понял! – разозлился Тимур. – Эта гнида твою мать порезала! А ты не тронь?.. Ну, ты не мужик, в натуре!..

– Ну не мужик, и что?

Олег равнодушно пожал плечами, поднялся из-за стола и направился к своему подъезду.

– Да пошел ты! – крикнул ему вслед Тимур.

Все уважение к этому боксеру ушло как вода сквозь пальцы. Осталось только презрение.

Тимур никого не посвящал в свой разговор с Митяем. Но каким-то образом пацаны прознали, зачем он сбивает в одну команду самых крепких ребят из Волчьих Выселок.

Первыми к нему на поклон пришли Барысь, Качан и Петля. Раньше они были с Тимуром на равных, а сейчас все просто горели желанием встать под его начало. И пацанов своих к нему привели. А те только рады были войти в его команду. Было из кого выбирать.

Барысь, Качан и Петля – классные бойцы. С молодых лет на улице. Кулаками машут будь здоров и боевой дух самой высокой пробы. Их Тимур взял к себе без разговоров. Скопец и Холера – само собой. Это самые преданные пацаны. В них он уверен как в самом себе. И многие другие пацаны его устраивали. С ними со всеми он когда-то дрался плечом к плечу. И никому не хотелось давать от ворот поворот.

Скрепя сердце он забраковал восемь человек. Осталось без малого тридцать. А нужен всего десяток... Хорошая мысль пришла не опосля, как это бывает обычно. Тимура осенило вовремя. Он решил оставить всех. А кого нужно будет отсеять, покажет время.

Это среди авторитетных воров Тимур никто. А вот пацаны его уважали крепко. Он от ментов за правду пострадал. Все на себя взял, а пацанов своих выгородил. В тюрьме си-

дел, ничем себя там не запятнал. В общем, авторитет на высоте. Потому даже не пикнули, когда он утвердил себя вожаком стаи. Теперь «волки» – единое целое. А Барысь, Качан и Петля – рядовые бойцы. Сами они не возражали против такого расклада – а это уже много значило.

Новая команда собралась на карьере. Снова самогон, снова теплое пиво. И плевать на всех «обезьян» и «трояков» с высокой колокольни. Тимур призвал гасить всех. Ведь только в драке можно было узнать, кто есть кто в его команде.

Первым на прицел попадал Черт. А этот урод хорошо поднялся в последнее время. Отодвинул в сторону Ролана и Толихана. И теперь все «трояки» ходили под ним. А поставил он себя так круто за счет последней победы над «волками». Высоко взлетел орел. Пора ему ломать крылья...

Тимур подошел к делу основательно. Прежде чем пустить «трояков» под раздачу, нужно было опустить Черта. И он уже знал, как это сделать.

Митя сдержал данное когда-то слово. Он обещал Тимуру пробить насчет Черта, узнать, в какой зоне и в каких углах он обитал. И узнал ведь. Оказывается, Черт в самом деле был позорным петушарой. А это в корне меняло дело. «Трояки» были сами по себе, блатной романтикой не бредили. Но вряд ли кому понравится ходить под гнойным пидором...

На разбор с «трояками» он шел во всеоружии. Цепи, кастеты – это само собой. Но куда опасней было слово, которое он держал под языком. Он знал, какую зону топтал Черт. И

даже знал, кто топтал его самого...

Тимур вывел свою команду на пустырь. Двадцать три бойца замерли в ожидании. Вот-вот должны были появиться «тройки».

Но вместо них появились менты. На двух «мусоровозах» с мигалками они заходили на толпу с двух сторон.

– Атас! – крикнул Тимур.

Он бы мог натравить толпу на ментов. Не так уж и много легашей, чтобы их бояться. Заломали бы, затоптали. Отомстили бы за тот беспредел в кутузке, когда ублюдочные сержанты ногами месили Холеру, а за ним и его самого. Но гасить ментов – это нары и решетка. А Тимур должен оставаться на свободе. У него кое-какие планы на будущее...

Толпа могла бы броситься врассыпную. Но Тимур как стратег заранее наметил путь отступления. Поэтому пацаны знали, куда бежать. И всем скопом ломанулись в овраг, по дну которого шла узкая тропинка.

На машине в овраг не заехать. А бегать менты не горазды. Пивные животы мешают. Встречаются, конечно, не слабые спринтеры. Но их мало, и погоды они не делают...

Стая «волков» ушла от охотников. Ни один пацан не попался ментам в лапы. И то хорошо...

Тимур велел всем расходиться по домам. Никаких дискотек, никаких разборок. Нутром он чувствовал, что история с ментами будет иметь продолжение. Так оно и оказалось.

Менты нагрянули ночью. Вломились в коммуналку, ста-

щили Тимура с постели. А дальше наручники и «воронок».

Вместе с ним взяли Скопца и Холеру. А вот Олег остался дома, в своей теплой постели. Он и не обязан был быть вместе с ними. Но Тимур почему-то думал о нем как о предателе.

Их отвезли в отделение, сунули в «аквариум» напротив дежурной части. Туфтово здесь. Узкие скамейки вдоль стен, грязный пол, гнетущий запах неволи. Но хочешь не хочешь, а надо устраиваться на ночлег. И желательно без базаров. Потому как менты люди резкие. И воспитывают они в основном ногами в живот.

Утром Тимура затащили в кабинет к оперу. А там знакомый пузатый мент. Капитан Мразин, брр. Их взгляды скрестились как две шпаги.

– Что, выкидыш гадючий, снова дров наломал? – с ненавистью спросил его «погон».

Тимура жестоко оскорбили. Но глупо обижаться на полного идиота...

– О чем базар, начальник? – презрительно скривился Тимур. – Какие дрова? У нас в квартире газ. А у вас?..

– А у нас противогаз! – оскалился мент.

– «Слоником» пугаешь, начальник. А не надо пугать. Пуганый... Давай, можешь в слоника со мной поиграть, можешь ток через яйца. А я потом жалобу напишу. В прокуратуру...

Теперь Тимур не тот безмозглый кретин, каким был раньше. Тюрьма и адвокат научили его, как вести себя на допросе.

сах.

Мент сразу поутих. Но зло сверкнул взглядом.

– Я все равно тебя сгною, гаденыш, – сквозь зубы процедил он. – На этот раз ты никуда от меня не денешься.

Но Тимур даже ухом не повел. Как будто он ничего не слышал.

Мент перевел дух. Унял свои эмоции. И уже спокойно спросил.

– Где ты был вчера ночью?

Прошлую ночь Тимур помнил смутно. Хорошо вмазали, затем куда-то пошли гулять с бабами. Купались в речке, глушили вино. А затем Тимур отправился домой к Томке Шурьгиной. Стремная телка. Ни рожи, ни кожи. Зато у нее хата была свободна. И в постели она такие номера откалывала... В общем, до самого утра он был с ней. И, кроме Томки, это может подтвердить ее старшая сестра. Она со своим хахалем куролесила в соседней комнате...

Тимур рассказал все как было.

– Я проверю, – разочарованно смотрел на него мент.

– А проверяйте, – пожал плечами Тимур.

Капитан, казалось, совсем упал духом. И жалко так спросил:

– Почему ты не спрашиваешь, кто убил Михаила Черткова?

В тюрьме Тимур много слышал о коварстве ментов. О подводных камнях, которые они ставят на допросах. Поэтому он

был начеку и легко обошел ловушку.

– А кто такой Чертков? – изумленно спросил он. – И откуда я могу знать, что его убили?..

Черткова он знал. Это его враг – гнойный пидор по кличке Черт... Так что, получается, его завалили? Вчера ночью... Скорее всего так оно и есть. Ночью Черта загасили, а днем менты начали крутить это дело. А тут толпа «волков» идет на третий микрорайон. Может, среди них виновный?.. Вот почему Тимур с пацанами попал под раздачу.

– Как откуда? – снова разозлился «погон». – Ты Черткова убил. Ты!..

Тимура так и подмывало сказать менту какую-нибудь гадость. Но он сдержался. Зачем усугублять и без того незавидное положение.

Кто-то завалил Черта. А все шишки посыпались на Тимура. Ведь он был с Чертом на ножах. И попробуй открестись от этого факта...

– Когда его убили? – спросил Тимур.

Голос его звучал спокойно, хотя внутри все дребезжало от нервного возбуждения.

– Прошлой ночью, – в упор глядя на него, ответил мент. – В три часа после полуночи...

– Откуда такая точность?

– А что, время неверное? Может, уточнишь?

Снова хитрый закидон. Но Тимура не поймать. Он же не бестолковый пескарь.

– Как я могу что-то уточнить, если я ничего не знаю. Ты, начальник, с Томкой Шурыгиной поговори. Она скажет тебе, где я был в три часа ночи...

Тимур не сомневался, что у него железное алиби. И эта уверенность была у него на лице. Мент удрученно вздохнул...

Черта убили в три часа ночи. Недалеко от его дома. Кто-то кулаком снес ему челюсть и сбил с копыт. Падая, Черт ударился виском об острый камень и... В общем, смерть наступила мгновенно. Нет больше Черта. И красавчика нет, который укатал этого гада...

Менты грешили на Тимура и его пацанов. Доказательств у них не было. Но несколько дней в ИВС их продержали. А потом отпустили под подписку о невыезде...

«Погоны» вроде бы продолжали расследовать убийство. И Тимуру очень интересно было узнать, чем оно закончится. Интересно и страшно. Вдруг менты снова сделают из него козла отпущения?..

Глава седьмая

Тимур и его команда. Звучит. И неплохо звучит. И команда не слабая. Два десятка крепких уличных бойцов. Жаль, нет никакой материальной базы. Место сбора – карьер. Место тренировки – снова карьер. Место отдыха – опять же карьер. На расслабуху – дешевый самогон и затасканные шма-ры.

А на дворе уже октябрь месяц. Холодно. Тимур гонял пацанов до седьмого пота. Тем и согревались. А под занавес тренировки – выпивон. Тоже для тепла. А вот бабы уже не приходят. Им бы где-нибудь в теплых закутках задницу погреть...

Сегодня с утра моросит мелкий занудный дождик. Но Тимур снова на карьере. И пацанов кот наплакал. Самые стойкие и преданные собрались. Барыся и Петли нет. У них, типа, дела. Плохой знак. Похоже, пацаны потихоньку отворачиваются от Тимура.

Команда создавалась под крутой вывеской. Для громких дел. Но Пацик сейчас в Серпах. Митя Ерш без него потух. Козла с мужиками забивает да ханку жрет. Тимур уже к нему и не обращается. Без понту все это. Видно, у блатных сейчас не самые удачные времена. Своих забот полон рот. Нет никому дела до Тимура с его пацанами...

На карьере у Тимура своя штаб-квартира. Халабуда из

неотесанных досок. Сами сколачивали. Тепло здесь. Правда, печка дымит нещадно, глаза ест. Но ничего, жить можно.

– Не дело все это, – сказал Холера. – Холода начинаются. А у меня даже куртки теплой нет...

– И у меня тоже, – кивнул Гена. – Только фуфайка отцовская...

– Летом хоть золу дачникам толкали. А сейчас хреном груши околачиваем... Делом нужно заняться.

– Ты что-то предлагаешь? – заинтересованно спросил Тимур.

– Да есть идея, – кивнул Валера. – И пацан есть, который наперстки конкретно катает... Три наперстка, игра такая. Помнишь, мы на рынке видели?

Не так давно Тимур с Холерой прохаживались по колхозному рынку в Белокаменске. И заметили двух пареньков с наперстками. Все просто. Фанерная доска, три наперстка и маленький шарик. Угадал, под каким наперстком шарик, получи бабки. Не угадал, отдавай свои. Только мало кто угадывал. Поэтому пацаны наварились не слабо. Правда, в конце концов осечка вышла. Один мужик проигрался в пух и прах. И врубился, что из него лоха сделали, буйнить начал. А дядя здоровый. В общем, паренькам крепко не поздоровилось...

– А чем мы хуже? – спросил Холера. – Наперстки – это сила. Такие бабки грести можно. В общем, крутила у нас уже есть...

– Ты же видел, чем вся эта канитель закончилась, – в раз-

думье сказал Тимур.

– Ну так те кадры сами во всем виноваты. Под прикрытием надо было работать. А они сами все на себе потянули. Потому и влетели... А мы серьезно дело поставим. Катала, подставные, прикрытые, все такое. С ментами можно договориться...

Холера умел убеждать. Тимур вмиг загорелся этой идеей. И даже попенял себе, что не дошел до нее сам.

Под это дело он подпряг всю свою команду. Барысь и Петля почуяли запах денег и тоже присоединились...

Рынок в Белокаменске трудно было назвать маленьким. Огромная площадь, высокая кирпичная ограда, ларьки, магазины, большой мясной и молочный павильон, длинные торговые ряды, с которых колхозники толкали свой товар. В будние дни народу здесь так себе. Зато по выходным – не протолкнешься.

Наперсточника звали Гиви. Среднего роста худощавый грузин. Боец из него никакой. Зато наперстки катал лихо. Сам Тимур пытался угадать, под каким колпачком прячет он шарик. И почти всегда оставался в пролете. Но на бабки не попадал. Для этого есть лохи...

А лохи не торопились расставаться со своими деньгами. Мужики с мрачными лицами молча проходили мимо ящика, за которым разместился Гиви. Рядом с ним стоял Холера. Зазывала из него хоть куда. Но мужики лишь угрюмо косились в его сторону.

Но вот подошли два парня. Один протянул Холере пятерку. Гиви крутанул шарик. Парень показал на один наперсток. И угадал.

– А-а! – восторженно закричал он. – Гони бабки!

Холера с тусклым видом вернул ему червонец.

Второй парень тоже выиграл. Правда, сначала он продулся на два червонца. Затем пошла масть. Он угадывал раз за разом, пока не отбил все свои бабки. Игра шла дальше. Парень продолжал выигрывать. И наварился на целый полтинник...

А вокруг ящика уже целая толпа. Проснулся интерес у мужиков. Игра пошла... Только удача никому уже не улыбалась.

Первые игроки были подставными. Они зажгли интерес и слиняли вместе со своими же бабками. А Гиви с Холерой продолжали стричь купоны. Лохам не везло. Хотя попадались и счастливчики. Но их выбирал Холера. Чтобы создать иллюзию удачи...

В первый день никаких проблем не возникло. Гиви с Холерой отстояли у «станка» всю «смену». Устали как черти. Зато какой навар... Тимур не мог поверить своим глазам, когда в кучу были сложены все бабки. С одного столыника они наколотили триста двадцать рубликов.

– Видал, как народ на халяву клюет, – радовался Холера. – У меня еще идея появилась, как толпу расшевелить...

В следующий выходной вместе с Гиви он снова встал за «станок». В этот раз подставных было больше. Им всем вез-

ло. И все они то и дело просили зевак поддержать их рублем. Лохи цеплялись за чужой фарт, отдавали свои деньги. А получали фигу с маслом. Хотя, конечно, кое-кому везло. Но это опять же с разрешения Холеры. Нужно же было поддерживать иллюзию честной игры.

Одна деревенская баба погналась за халявой и спустила полтысячи рублей. Села на землю, с воем стала рвать на себе волосы. Холера не стал усугублять ситуацию. Вернул ей половину. И что же? Баба снова спустила все лавье до копыя... Ну не дура?..

В этот день лохи разошлись не на шутку. Под занавес игры Холера наколотил почти тысячу рублей. Небывалый урожай. Правда, чуть не получил в пятак. Какой-то буйный мужик полез на него с кулаками. Пришлось хватать его под руки, заводить в тихую гавань и... Били его несильно. И даже вернули часть проигрыша. Ну и, конечно же, популярно объяснили, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Но мужик не понял. И вернулся с постовыми ментами. Но Холера вместе с Гиви уже снялся с насиженного места. Это Костыль вовремя подал ему сигнал...

Тимур не знал, как благодарить Холеру за удачную идею. Всего за месяц его команда набила почти четыре тысячи рублей. И все ловкость рук, и никакого мошенничества.

Правда, целую «штуку» пришлось отдать в «общак». Тимур сам дошел до этой идеи. Может быть, Пацик и думать о нем уже не думает. Но сам-то он не забыл, для чего была

создана его команда...

Никогда Тимур не был так упакован, как сейчас. Новенькая теплая куртка на «молнии» и с капюшоном, джинсы «Монтана», теплые боты. И пацаны одеты не плохо. Теперь это уже не оборванцы и песчаного карьера.

Да и карьер уже никого не привлекал. Во-первых, зима. А во-вторых, Качан нашел просторный, теплый и, что главное, сухой подвал недалеко от рынка. А Холера, тот вообще учудил. Связался с молодыми чинушами из райкома комсомола, через них придал подвалу статус клуба патриотического воспитания молодежи. Правда, средства на его обустройство выбить не смог. Да это и не обязательно. Команда Тимура продолжала стричь купоны с лохов на городском рынке. Доходы, правда, сократились. Холодно потому что. Потом, с ментами приходилось делиться – чтобы закрывали глаза на лохотрон. Воровской «общак», опять же. Одеть пацанов надо было. Но все равно, кое-что на обустройство клуба осталось.

Стены штукатурить не стали, но побелили. Полы застелили резиновыми плитами со стадиона. Навесили боксерские груши, поставили ринг. Штангу добыли, гири, гантели. Даже шведскую стенку с турником раздобыли.

Спорт прежде всего. Не будет силы, не будет победы в драках. А драться приходится. Тимур успешно работал на рынке. И не собирался ни с кем его делить. А желающие находились. На прошлой неделе объявилась толпа «центровых» –

так называли пацанов с центра города. Пытались качать права на рынок. Пришлось кулаками ставить их на место. И это все только начало...

Команда, рынок, лохотрон, подвал-качалка. Все ништяк. Тимур был доволен. Он нашел свою стихию. Не грабил, не убивал, а на бабки поднялся. Ну, подумаешь, лохов обувает. Так их же за уши к «станку» никто не тянет...

В его жизни появилось много плюсов. Но остались и минусы. Например, профтехучилище. Тимур ненавидел бурсу. Но посещать занятия иногда приходилось. Чтобы не отчислили. Этой осенью ему восемнадцать стукнуло. Не будет учиться, весной забреют в армию. А так только осенью пойдет. Если, конечно, не закосит. А отмазываться от армии надо. Два года, вычеркнутые из жизни, – это слишком много. А у него большие планы на будущее. На Москву идти надо. Там лохов немерено. Лохотрон золотые горы будет приносить. А если сразу несколько точек поставит...

Спорту он уделял много времени. Качалка, бокс без правил. Пацаны крепили и мужали. Никто не жаловался. И все были довольны, когда после удачного дня Тимур накрывал в подвале поляну. Под это дело у них была отведена целая комната отдыха. На стенах обои, под потолком люстра, диван, кресла, стулья. И, главное, большой стол.

А еще Тимур хотел телевизор поставить с видеком. Один барыга пообещал устроить ему почти новый «Горизонт» с «Электроникой». Задешево. Но Гена его отговорил. Телик

с видаком наверняка краденые. Если вдруг их подвальную «малину» накроют менты, можно погореть. Навесят статью – и привет.

Ничего, у них с пацанами еще все впереди. Подсоберут бабок и возьмут импортную аппаратуру. Холера уже сейчас предлагает взять несколько видаков. Говорит, что сейчас в самый кайф видеосалоны открывать. У него кент в райкоме комсомола. Через него можно решить проблему с помещениями. А желающих смотреть забугорные боевики с порнухой полно. В общем, идея стоящая. Тимур задумывается над ней всерьез. Когда прет масть, теряться нельзя...

Телевизора с видаком у них пока нет. Зато есть магнитофон. Обшарпанный «Шарп». Нехилая бандура. Гремит на всю ивановскую. Ноги сами в пляс идут. Но Тимуру танцевать запаadlo. Зато девки задницами крутят аж бегом.

А с девками без проблем. Скопец по этой части большой спец. В прошлый раз из техникума телок привел. Сегодня из медучилища целую дюжину «сестричек» подогнал. А эти бабы без комплексов, проверено.

Тимур не просто так в авторитете. Он имеет право выбирать. Но самая симпатичная киска выбрала его сама. И эта длинноногая блондинка с выпуклым задом танцует исключительно для него. Все поглядывает в его сторону – наблюдает он за ней или нет. А Тимур наблюдает. У него и перископ для этого есть. Как бы из штанов не высунулся...

Кстати, время уже позднее. Пора выводить себя на глуби-

ну торпедной атаки. А Лелька этого, похоже, только и ждет.

Тимур поднялся со своего места, с важным видом подошел к ней, взял за руку и повел на выход. Блондинка даже не думала сопротивляться. На губах пьяная сочная улыбка. И глаза масляные...

Он завел ее в свою личную комнату. А что, он шеф, должен иметь собственный кабинет.

Кабинетом этот закуток можно было назвать с натяжкой. Выбеленные стены, на полу утепленный линолеум. Старый стол с тумбой. Кресло, два стула. И, главное, обогреватель и раскладной диван. Подушка, простыня, одеяло...

Лелька ломаться не стала. Мало того, она сразу взяла инициативу в свои руки. Едва дверной проем закрыла плотная штора, она повисла на Тимуре и впилась в него затяжным поцелуем. А губы у нее сладкие, язык горячий и так глубоко проникает в рот. Вот что значит медицина...

Поцелуи у Лельки вкусные, но ими одними сыт не будешь. Тимур хотел большего. И нисколько не сомневался в том, что сможет поставить «сестренке» укольчик. А шприц уже давно готов, поршень чуть не лопается от напруги.

Сначала он усадил ее на диван, затем перетащил к себе на колени. Лелька продолжала пиявкой висеть на нем. Пора и ему присосаться к ней, но не губами...

Она позволила уложить себя на спину. Даже не думала брыкаться, когда он стянул с нее джинсы. Между ног у нее жарко и влажно. Оазис готов принять в себя жаждущего пут-

ника...

Он снял с нее блузку, бюстгальтер. Языком коснулся за-твердевшего соска. Лелька мягко застонала, ее тело изогнулось дугой, мелко задрожало. И ноги раздвинулись сами по себе. Пора...

Этого Тимур не ожидал. В самый последний момент «сестренка» опомнилась, резко свела ноги вместе. И оттолкнула его от себя...

– Не надо! – испуганно вскрикнула она.

Схватила свою блузку, закрылась ею.

Тимур недовольно смотрел на нее. А она, бедная, тряслась от страха.

– Ты что, дикая? – спросил он.

– Нет, – замотала она головой.

– Может, целка?

– Нет...

– Тогда я не понял, что за приколы?

Другой бы на его месте прибил эту дуру. Тимур и сам не любил, когда его динамили. Но самое большее, что он мог позволить с бабой, это нахамить ей. А чтобы руку поднять... Нет, это не в его правилах.

– Я... Я думала, что все получится, – всхлипывала Лелька. – Я думала, что смогу...

– А чего тут мочь? Раздвигай ноги и все дела...

– Я знаю... Но я боюсь...

– Чего ты боишься? Я не кусаюсь...

– Знаю... Ты хороший. Я вижу... Но я боюсь... Меня... Меня изнасиловали... Еще осенью... Теперь я боюсь. Это комплекс...

– Кто тебя изнасиловал? – меланхолично спросил Тимур. У него не было никакого желания подписываться за Лельку. Мутота все это – искать насильника. У него своих дел полно... Хотя ноги бы этому козлу он повыдергал. Он был волком и терпеть не мог шакалов. Он уважал орлов, не любил стервятников. А только шакал и стервятник может силой взять слабую женщину...

– Я... Я встречалась с ним... Миша его зовут. У него еще кличка такая гадкая. Черт...

– Черт?! – удивленно протянул Тимур.

– Ты его знаешь?

– Знал. Редкостная сволочь...

– Сволочь, – кивнула Лелька. – Мы с ним у моей подружки были. Пили, танцевали. А потом он меня к себе домой позвал. У Раиски нельзя было, ну ты понимаешь. А у него можно... Я тогда напилась, поэтому была готова на все... А он меня до дому не довел. С ног меня сбил, по лицу больно ударил. Потом юбку задрал и... Я так ничего и не поняла. Ведь я бы ему и так дала. Говорю же, пьяная была... Я уже потом поняла, что у него патология. Ему нормальный секс не нужен. Извращенец он... Знаешь, когда его ударили, я так была рада...

– Кто его ударил?

– Ну, я парня видела... Миша бросил меня в кустах, а сам домой пошел. А тут парень. Я не поняла, откуда он появился. Он Мишу за грудки схватил, как встряхнет... Они далеко были. Но я слышала. Он что-то про свою мать говорил. Я так поняла, что Миша очень обидел женщину. Про нож что-то говорили. Кажется, Миша ее ножом порезал...

Тимур понял, о чьей матери идет разговор. Не трудно было догадаться, кто мог спросить с Черта за Ритку. Только Олег...

– И что дальше было? – заинтригованно спросил он.

– Ну, парень его ударил. Сильно... Я видела, как боксеры на ринге дерутся. Вот и он так же... Миша упал. И больше не поднимался. Парень нагнулся, постоял над ним. И ушел...

– А ты?

– Я тоже ушла.

– А к Черту подходила? Может, его убили?

– Убили?! Да нет, я как-то не подумала... Я думала, он просто без сознания лежит. А его что, убили? – ужаснулась Лелька.

– Когда это было?

Она точно назвала дату. Именно этой ночью и был убит Черт... Получается, его уделал боксер... За мать с ублюдка спросил. По-мужски. Без всяких левых базаров. Подошел, завалил и все дела...

– Так его что, убили? – снова спросила Лелька.

– Может быть...

Тимур резко развернулся к ней, прессующим взглядом вдавил в спинку дивана.

– Слушай сюда!.. Запомни, с Чертом ты никогда не была. Он тебя не насиловал. И про того парня забудь. Не было никакого парня, поняла?..

– Поняла, – жалко пролепетала девчонка.

– Да ты не робей, – ободряюще подмигнул ей Тимур. – Это ж все для твоего блага...

– Я... Я понимаю...

На самом деле она ничего не понимала. Но обязательно поймет. И будет худо, если она пойдет к ментам... Странно, как это менты сами не добрались до нее. Или тупые, или не больно-то им хотелось возиться с Чертом. Загасили ублюдка, и фиг с ним...

* * *

В последнее время Тимур пропадал в своем подвале... э-э... в клубе патриотического воспитания молодежи. И редко появлялся в своем дворе. Олега он не видел с осени. А уже вторая половина зимы. Не так уж и мало времени прошло.

И за это время Олег возмужал. Стал выше, раздался в плечах. Совсем уже взрослый пацан. Волевое лицо, сосредоточенный взгляд, твердая уверенная походка.

– Эй! – окликнул его Тимур.

Олег резко остановился, метнул на него молниевый

взгляд. Узнал, расслабился.

– А, это ты...

Особой радости в его голосе не улавливалось.

Тимур первый подал ему руку, крепко пожал ее. Олег удивленно посмотрел на него. Ведь он думал, что Тимур его ни во что не ставит. А оказывается, это не так...

– Как дела? – спросил Тимур.

А дела у Олега не очень. Стремный «петушок» на голове, старая болоньевая куртка на рыбьем меху, холодные туфли-попрошайки. Видно, что пацан бедствует.

– Да нормально, – пожал плечами Олег.

– Матушка как?

– Тоже все хорошо. Дома сидит... – голос его зазвучал бодро и даже весело.

Тимур уже понял, что за фрукт этот Олег. Мать свою он не просто любит, он ее обожает. И в сестре души не чает. На все готов, чтобы им жилось хорошо. Но не нравилось ему, что Ритка гуляет. Поэтому он и рад, что блядки ее закончились.

– Хорошо, когда все хорошо, – сказал Тимур. – С тренировки шагаешь?

– Ага...

– Устал, наверное?

– Ну, устал. Тебе-то что?

– Да просто... Работаешь, наверное?

– Работаю.

– Вагоны разгружаешь?

– Бывает.

– А с девчонками как?

– Что с девчонками? – не понял Олег.

– Ну, подруга есть?

– Нет. А что?

– Да с девчонкой одной хочу тебя познакомиться. Симпатичная девчонка...

– Зачем? – Олег смутился. Даже зарделся.

Да он, оказывается, стеснительный.

– Как зачем? Ты уже не мальчик. Сколько тебе? Восемнадцать есть?

– Да уже есть...

– В армию пойдешь. А кто-то ж должен тебя ждать... Короче, есть тут на примете одна клевая девчонка. Я вас познакомлю...

– Да не надо мне, – вяло запротестовал Олег.

– Надо, надо!.. Короче, надо, чтобы у вас мир да любовь была. Чтобы она торчала от тебя на всю катушку... И чтобы никогда никому не лягнула, что видела, как ты Черта завалил... А она это видела, братан. Видела.

Вся краска вмиг сошла с Олега. Лицо вытянулось, глаза округлились.

– Да, братуха, такие вот дела, – усмехнулся Тимур. – Ты Черта завалил. И об этом знаем только я и Лелька... Я-то тебя ментам не сдам, это без базара. И Лелька никому ничего не скажет. Если крепко любить ее будешь...

– Ты... Ты что-то не то говоришь, – через силу выдавил из себя боксер.

– Ну да, сейчас отмазки начнешь клеить. Не надо, я не прокурор, передо мной оправдываться не нужно. А то, что Черта загасил, это правильно. Уважаю... Короче, ты это, расслабься. Никто тебя вкладывать не будет. И Лельку можешь на хрен послать. Она все равно никому ничего не скажет... Но лучше не посылать. Баба она в самом деле неплохая. И на мордашку, и характер не гнилой. В общем, тебе решать...

– А как... Как я могу с ней познакомиться? – дрожащим голосом спросил Олег.

– К нам в подвал приходи, познакомлю... А ты приходи, обязательно приходи. Мне такие пацаны нужны... Ты, говорят, мастер спорта, да?

– Есть немного, – кивнул Олег.

– Еще какие титулы есть?

– Да вроде. Чемпионом Москвы стал вот, среди юниоров...

– О, е! Да это ж ваще... Короче, мне тренер нужен. Пацанов моих натаскивать... Тренером будешь. Я тебя к себе в штат беру...

– Я... Я не могу. У меня совсем нет времени...

– Ничего, будет у тебя время. Я ж говорю, в штат тебя беру. И бабки тебе даю. Сам оденешься. Матери что-нибудь купишь...

Тимур достал из кармана куртки жгут из двадцатипятирублевых купюр. Всего полтысячи рублей. Жуть какие баб-

ки. Но для друга не жалко... А он хотел, чтобы Олег был его другом.

Часть вторая

Глава первая

Летнее солнце. Летнее тепло. Летнее настроение... А еще группа «Мираж» добавляет огоньку. «...Завтра улечу в солнечное лето, буду делать все, что захочу...»

Полина уже в солнечном лете с головой. И может делать все, что захочет. Сейчас она в Москве, а завтра может улететь в Сочи. Опять же, если захочет...

– Евгений, выключи эту плебейскую музыку! – высокомерно поморщилась Натали. – Сколько можно уродовать мой тонкий слух?.. Поставь, пожалуйста, Штрауса. Вальс «На прекрасном голубом Дунае» – ах, это же божественно...

Полина не могла не согласиться с ней. Все-таки Натали ее подруга. Вместе росли, вместе воспитывались. А воспитывали их на классике. Ведь это элитное. А все остальное – плебейское... Да, Штраус – это замечательно. Но Полине нравилась и современная эстрада. Сандра, Сиси Кэч, тот же «Мираж», даже «Ласковый май». Но...

– А я бы хотела послушать Шумана, – с чопорным видом добавила она. – «Фантастические пьесы», ничто так не ласкает слух...

– Да, да, это просто фантастика, – защебетала Натали.

Евгений сделал вид, будто Штраус и Шуман – его самые любимые композиторы. А куда ему деваться? Он муж Натали. И полностью зависит от ее отца.

Когда-то и его отец занимал высокий пост в правительстве. Но его «ушли» еще при Брежневе. Оставили ни с чем. По сути, Евгений свой человек в элитно-номенклатурных кругах. Происхождение много значит. Но у него за душой ни гроша. Папа его был бессребреником и ничего ему не оставил.

Зато у Натали отец – настоящая величина. Совмин представляет. Высоко сидит, далеко глядит. И кое-что на черный день имеет. Дочери на свадьбу двухэтажный особняк под Истрой подарил, белую «Волгу». А дом у Натали полная чаша. Румынская мебель, чешский сервиз, японская аппаратура.

Впрочем, Полину этим не удивишь. Ей отец тоже дом построил. В живописном месте на Белоречке. Красота неопи-суемая... Правда, она в этом доме не живет. Отец в этом вопросе жесткий человек. Пока замуж не выйдет, никакой личной собственности... Даже «семерку» у нее забрал. Правда, взамен «девятку» подарил. Машина – класс. Супер!..

Отец у нее тоже большой человек. Важная персона в ЦК партии. В таких сферах вращается....

Евгений поставил Штрауса. Сел в кресло под солнцезащитным зонтиком. Напустил на себя важный вид.

– Штраус, Шуман, Шуберт, Шопен. Все на «ша»... Мне уже не раз приходила в голову мысль, что под этой буквой

рождаются великие люди...

Ну надо же! Полина с трудом сдержала ухмылку... Да, Женя нигде не потеряется. У его тестя фамилия тоже на «ша» начинается. Шульгин. Раньше, правда, он Шульцем был. Пока ему не посоветовали сменить фамилию на более близкую к простому русскому народу.

И все же Евгений уловил насмешку в ее глазах.

– Возможно, я не прав, – на философской ноте изрек он. – Быть может, буквы не имеют никакого отношения к человеческой судьбе. И вообще, судьба – это понятие относительное. Помните, что сказал Шопенгауэр по этому поводу? То, что людьми принято называть судьбою, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных ими глупостей...

Блеснул умной мыслью, что называется... А Шопенгауэр, кстати, тоже на «ша» начинается. Шопенгауэр, Шуберт, Шульгин... Да-а, хитрый жук. И скользкий. Если честно, Женя никогда не нравился Полине. И она редко упускала возможность причесать его.

– Да, я помню Шопенгауэра, – сказала она. – Он говорил, что лучше обнаруживать свой ум в молчании, чем в разговорах...

Женя не растерялся. И сделал хорошую мину при плохой игре. Жеманно улыбнулся и манерно поднял руки.

– Сдаюсь.

Натали не понравилась эта перепалка. Она жеманно поджала губы. Но не рискнула с недовольством посмотреть на

Полину.

Она была не прочь перевести разговор в другое русло. А тут как раз подъехала белая «восьмерка».

– О! Кажется, Альберт приехал! – радостно зашебетала она.

И точно, из машины вышел красавчик Альберт. «Золотой мальчик». Один из немногих парней их круга, кто нравился Полине. Нельзя сказать, что этот стройный брюнет сводил ее с ума. Но если выходить замуж, то лишь за него.

Только Альберт почему-то не воспринимает ее всерьез. Полина для него всего лишь хорошая подруга. Не более того. И все девушки из их круга для него всего лишь добрые знакомые... Кобель несчастный. Знает она его. Умный, правильный, на людях – образец благонаравия. А как вырвется на свободу, так держись. Обычным девкам от него спасу нет. То с одной, то с другой... Хорошо еще, что телок своих за собой в высшее общество не тянет... А это что за явление?

Полина не могла поверить своим глазам. Альберт помог выйти из машины какой-то девушке. Высокая, стройная как тополек. Длинные русые волосы, не испорченные никакой химией. Большие светло-серые глаза. Нежная кожа лица, яркие сочные губы... Волосы, глаза, губы – все в превосходной степени.

Эту девушку можно было назвать образиной. Но только со злости. А если не лукавить, то иначе как самим совершенством ее не назовешь. Восхитительной красоты лицо, вели-

колепная фигура. Ей очень шли фирменные джинсы, заканчивающиеся импортными туфлями на высоком каблуке. А белая шелковая блузка так волнующе облегла высоко приподнятую грудь.

Полине всегда нравились только мужчины. Но сейчас у нее захватило дух. От восхищения. И от жгучей зависти...

Откуда она взялась, эта стерва? Какого черта Альберт ее сюда притащил?

А он подводит ее к столу. Представляет:

– Знакомьтесь, это Лена!

Девушка одарила яркой улыбкой всех. Но ей в ответ улыбнулась только Натали. И то из приличия.

Полину душила ревность. На Лену она смотрела с недовольно поджатыми губами. И Женя тоже не был ей рад. И все из-за Альберта. Тоже ревнует... Полина давно подозревала, что у Жени не все в порядке с сексуальной ориентацией. И сейчас находила тому подтверждение.

Альберт же, казалось, ничего не замечал. Настолько он был счастлив... Лена. Какое-то плебейское имя. Полина с презрением глянула на нее и усмехнулась.

Натали велела Жене принести два пластмассовых кресла, усадила гостей за стол.

– Вот, хотел вас познакомить, – заерзал на своем месте Альберт.

Похоже, он уже понял, что атмосфера накалена. Одна только Полина своим видом делала ненастную погоду.

– Мы с Альбертом завтра уезжаем. В Крым, – ляпнула Лена.

Полина обожгла ее взглядом. И тут же пожалела об этом... Она воспитанная девушка. И не должна показывать свою неприязнь. Да, ей плохо, но она должна взять себя в руки.

– Лена, а можно вас спросить? – через силу улыбнулась Полина.

– Да, конечно, – с готовностью отозвалась Лена.

– Мне кажется, где-то я вас видела. Мы не могли встретиться раньше?

– Не знаю... Вряд ли...

– Вы где-то учитесь?

– Да, учусь. В институте стали и сплавов, – с гордостью сообщила Лена.

– Да что вы говорите! – с едва уловимой издевкой улыбнулась Полина.

Сама она училась в институте международных отношений. Как и большинство ее знакомых. А институт стали и сплавов... Свои там не учатся...

– А кто ваш отец?

Вопрос, что называется, в лоб. Воспитанный человек так грубо не поступит. Но с Леной можно. Она не своя... Хотя кто его знает...

– Он директор. Директор магазина...

Это уже что-то. Директора универмагов – это уже избранные.

– В Москве?

– Нет, не в Москве. В Аксае. Это под Ростовом. Может, слышали?

– Аксай – это деревня такая, да? – презрительно сморщился Женя.

– Нет, это город. Небольшой, правда. Но город...

– Вот и езжайте в свой город! – вырвалось у Полины.

Нет, Лена – не своя. Она чужая. И ей не место в высшем обществе...

Лена с ужасом посмотрела на нее. Губы поползли вниз, из глаз брызнули слезы. Она поднялась из-за стола, закрыла лицо руками и направилась к машине.

Альберт подскочил как ужаленный. Но удерживать ее не стал. Зато набросился на Полину.

– Ну ты и стерва! – зло прошипел он.

И куда вся воспитанность делась.

– Да пошел ты! – презрительно фыркнула она. – И плебейку свою забери...

– Дура ты! Набитая дура!

Полина подумала, что Альберт ее сейчас ударит. Но он сдержался. Просто покрутил пальцем у виска и побежал за своей Леной. Идиот влюбленный.

– К нам больше не приезжай! – крикнула ему вслед Натали.

Она была солидарна с Полиной. Чужим не место среди избранных...

А может, зря они обидели Лену? Может, глупо делить людей на своих и чужих... Может, и глупо. Но Полина гордилась тем, что ее отец – большой человек. Ей нравилось ощущать свою неординарность. Она жила в роскошной квартире, училась в закрытой спецшколе. После элитный институт. Вокруг только сливки общества. Так было, так есть и так будет... И нечего плебейам примазываться к элите.

Она – умная. Альберт же полный тупица. Была бы у него голова на плечах, он бы бросил свою Лену и примчался к Полине. Они бы составили блестящую пару... Но Полина одна. А у Лены есть Альберт.

Им хорошо вместе. А Полину душит ревность...

Настроение ни к черту. Хочется рвать и метать... Надо развеяться. Иначе злость может выжечь все внутренности.

– Ладно, поеду я, – сказала она. – Отец сказал, чтобы я в шесть была уже дома...

– Тебе видней, – не стала отговаривать ее Натали.

В их кругу это не принято.

Полина села в свою «девятку», выехала со двора. Дорога шла через сосновый бор. Великолепный пейзаж, чудный воздух....

Только красоты природы Полину не радовали. В душе сидела досада. На Альберта. Как он мог променять ее на какую-то дешевку?.. Еще она злилась на себя. Не должна она была вести себя так высокомерно. Нельзя обижать людей. Даже если они не принадлежат к твоему кругу. Низко это. И

даже подло...

А ведь когда-то у нее самой был роман с парнем из самых низов общества. Хотя вряд ли это был роман. Тимур даже близко не подпустил ее к себе. Как же она злилась на него. Она к нему со всей душой, а он чуть ли не на три буквы послал.

Было бы не так обидно, если бы он в самом деле стоил чего-то. А он самое настоящее отребье... Полина хорошо помнила тот день, когда встречала его у ворот тюрьмы. Она до сих пор не может понять, какой бес дернул ее приехать за ним. Ну узнала она случайно, что он попал за решетку. Ну, подключила отца. И на этом бы остановилась. Так нет, поперлась за ним аж в Серпухов. Показала, какая она хорошая. И нарвалась на такую благодарность... Может, она и правильно сделала, что погнала Лену поганой метлой. Не делай добра – не получишь зла. Так, кажется, звучит народная мудрость.

Да, она повела себя сегодня, как невоспитанная истеричка. А Тимур? Как он тогда повел себя? Как неблагодарная свинья, вот как!.. Полина до сих пор злится, когда думает о нем.

А она думает. В том-то и беда, что она до сих пор о нем думает! Этот неандерталец, этот дикарь до сих пор волнует ее воображение. В это невозможно поверить, но это так...

Любой из «золотых» мальчиков во сто крат лучше этого оборванца. С ними приятно, хотя и скучно. Альберт заме-

чательный человек. Она очень жалеет, что им не суждено быть вместе. Но ведь она не сходит по нему с ума. Если разобратся, не такая уж это большая разница – есть Альберт в ее жизни или нет. Вокруг нее кружит много принцев, есть из кого выбирать. И рано или поздно она сделает свой выбор. Ей уже двадцать. Скоро она закончит институт и, как хорошая дочь своего отца, выйдет замуж. У нее будет дом, семья. Она будет жить с мужем и мечтать... Да, она будет мечтать. Она будет мечтать о Тимуре. Да, он дикарь, но в нем столько притягательной силы. Тимур – грубый неотесанный болван, грязный самец. Но в том и состоит его прелесть.

Думая о нем, Полина испытывала страстное возбуждение. И в то же время ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Как она может представлять себя в объятиях этого грязного дикаря? Какая мерзость... Зато какая острота чувств!..

Полина забылась. И не заметила, как машина выехала на Волоколамское шоссе. Она резко крутанула руль вправо. Но забыла при этом сбросить скорость. Машину занесло, и она съехала в кювет.

В принципе, ничего особо страшного. «Девятка» нигде не помята. Только передний бампер слегка оцарапан. Но это чепуха. А вот как выгнать машину из кювета? Сама Полина с этим не справится...

Она вышла на шоссе. И сразу же рядом с ней остановилась синяя «шестерка». В машине обычные люди. Но ей все рав-

но... Хватит считать себя солью земли. Горбачев давно призывает к новому мышлению.

Из машины вышли какие-то парни. Мерзкие лица. В самом деле мерзкие. А эти гнусные улыбочки... Полину даже в жар бросило.

– Привет, кроха! – ослабился один.

– А-а, здравствуйте, – кивнула она.

Голос прозвучал жалко, заискивающе... От этих парней исходила угроза. Предчувствие беды навалилось на нее всей тяжестью. Руки онемели, коленки затряслись.

В душе Полина считала этих парней гнусными плебеями. Но не та ситуация, чтобы говорить им об этом...

– Помочь надо, да? – спросил верзила с мерзким похотливым взглядом.

Он уже раздевал Полину глазами. Какой ужас...

– Да, если можно, – улыбнулась она через силу.

Нужно всего лишь пережить этот кошмар. Сейчас эти выродки помогут ей вытащить машину из кювета и уберутся ко всем чертям. И на этом все закончится...

Долговязый велел ей садиться за руль. А сам вместе с дружками стал толкать машину. И у них все получилось. «Девятка» уже на дороге, можно ехать.

Но не тут-то было. Долговязый подсел к Полине в машину.

– А тачка у тебя не хилая, – с наглой ухмылкой заметил он. – Твоя?

Полина с ужасом наблюдала, как его дружки усаживают-ся на заднее сиденье. Что они делают, ведь у них есть своя машина...

– Твоя тачка, спрашиваю? – с угрозой в голосе повторил парень.

– Моя, – выдавила она.

– Сама купила.

– Отец... Отец подарил...

И тут ее осенило. Сейчас она расскажет этим вырождам про своего отца. И они поймут, что с ней лучше не связываться...

Но громкое имя ее отца не произвело на них никакого впечатления. Хотя вывод они сделали.

– Богатый, значит, у тебя папа? – спросил долговязый.

Его хищный пронизывающий взгляд выкручивал наизнанку всю душу.

– Зачем... Зачем вам это знать?

Полина с ужасом ждала, когда ей к горлу приставят нож и вытащат из машины. Лес в двух шагах. Этим бандитам ничего не стоит затащить ее в густые заросли. Они сначала изнасилуют ее, а затем убьют. А машину заберут себе... Да, это бандиты. Это самые настоящие бандиты... Полине казалось, что со страха у нее сейчас остановится сердце...

– Зачем нам это знать? Да надо... Тачка у тебя клевая. Да и сама ты козырная телка. Не хочешь с нами покататься?.. Или мы тебе не нравимся?

– Нравитесь, – кивнула Полина. – Только мне домой надо. Спасибо вам за все. Я поеду, ладно?

– Поедешь. Но с нами. А спасибо твое не канает. Ты нас другим отблагодаришь...

В руке долговязого бандита щелкнул нож. От ужаса у Полины на голове зашевелились волосы.

– В посадку рули, – кивком головы показал он на лес.

Полина даже не пошевелилась.

– Ты че, не поняла?.. – прикрикнул на нее бандит.

– Ре... Ребята... Вы не понимаете... – заскулила Полина. – Вас же милиция искать будет...

– Заткнись, шалава!

Парень с заднего сиденья больно схватил ее за волосы, а долговязый приставил нож к горлу.

– Выбирай, или сама на клык возьмешь, или я тебе сначала кровь пушу...

Полина не знала, что такое взять на клык. Но догадывалась, что это какая-то мерзость... И ей эту мерзость придется делать. Потому что у нее нет другого выхода. Эти подонки не хотят признавать ее отца. Им наплевать, что она не такая, как все. Ей никто не поможет. Ни Шопенгауэр, ни Сенека, ни Конфуций...

Только один человек может ей помочь. Тимур. Он уже однажды спас ее. Тогда насильники к ней только примерялись. А сейчас этот кошмар повторяется, и он станет реальностью. Ее изнасилуют, а потом убьют. А машину заберут... Да к чер-

ту машину! Отец новую купит...

– Я вам «девятку» свою отдам! – крикнула она.

– Мы ее сами заберем, – хохотнул бандит. – И тебя поиме-ем, и твою тачку...

Да, ее изнасилуют. А затем убьют. Какой ужас!..

Бандиты выдернули ее из-за руля, перетащили на заднее сиденье. И в этот момент возле «девятки» резко затормозила синяя «семерка».

– Твою мать! – гаркнул долговязый.

– Бля, еще одна! – в панике заорал его дружок.

Рядом остановилась еще одна машина. Из нее выскочили какие-то парни в спортивных майках-безрукавках. Высокие, крепкие, с литыми бицепсами. Они окружили «девятку» со всех сторон. Открыли дверцы и вытряхнули из нее бандитов.

Досталось и Полине. Ее бесцеремонно вытащили из машины, скрутили руки за спиной и лицом ткнули в капот. В простонародье это называлось «загнуть раком». А Полина ощущала себя простой девчонкой. Ужас происходящего выветрил из нее весь снобизм.

Измощенное воображение выдало ужасную мысль. Сейчас эти качки залезут к ней под юбку и надругаются самым гнусным образом. Но ничего не случилось. Ее просто поставили буквой «зю». И она даже могла видеть, что происходит рядом.

Разговор с бандитами был короток. Бритоголовые качки повалили их на землю и стали с остервенением пинать нога-

ми. Били жестоко. В голову, в живот... Вряд ли эти крепыши заступаются за Полину. Но, похоже, их послало ей само провидение...

– Тормози процесс! – послышался чей-то зычный властный голос. – В посадку их давайте!

Бандитов прекратили бить, скрутили и потащили в лес.

– А это что за маруха? – спросил тот же голос.

Полина не сразу поняла, что это о ней зашел разговор.

Железные руки отпустили ее. Она распрямилась. Повернулась на голос. И обомлела...

Этого парня трудно было узнать. Он вырос как минимум на полголовы. Раздался в плечах. Сейчас это был какой-то монстр с широкими покатыми плечами и тяжелыми бицепсами. Это был не мальчик, но муж... И это был Тимур. Она узнала его.

– Тимур? – удивленно протянула она.

Ни одна черточка не дрогнула на его суровом непроницаемом лице. Но все же она поняла, что он узнал ее.

– Ты что здесь делаешь? – пошевелил он губами.

– Я... Я просто ехала. А они... Я их не знаю...

Тимур-то знает, кто она такая. Знает, что ее отец – большая шишка. А потом, она когда-то выручила его. Он не посмеет обидеть ее... Но почему она тогда оправдывается перед ним? Почему она чувствует себя перед ним маленькой букашкой?.. Ну и силища же в этом парне...

Два года назад ему было лет семнадцать, вряд ли больше.

Значит, сейчас ему лет девятнадцать, ну, может, двадцать. Альберту двадцать три. Но по сравнению с Тимуром он кажется безусым юнцом...

Удивляться тут нечему. Тимур вырос на улице, всю жизнь жил по законам джунглей. Жестокая среда обитания наложила на него свой отпечаток, закалила его характер. Он развит не по годам. Поэтому и выглядит старше своих лет. Как и всякий дикарь... Да, он дикарь. Самый настоящий дикарь...

Он уже не тот оборванец, каким был раньше. Новенькая фирменная майка, «адидасовские» спортивные шаровары, дорогие кроссовки. На шее толстая золотая цепь. Запах дорогого одеколona... И все равно, как бы он ни одевался, ему не место в приличном обществе. Но ей плевать, свой он или чужой. В нем заключена неукротимая сила первобытного человека, это мощный магнит, который притягивает к себе Полину. Перед этим монстром невозможно устоять...

Своим видом Тимур уже не вызывал отвращения. На правом плече татуировка – волчья голова. Но это нисколько не портит его. Даже интересно... Но даже если бы от него тошнило, она бы все равно тянулась к нему. Его дикое обаяние сильнее рассудка... Полина теряла голову...

– Не знаешь, кто эти ублюдки? – усмехнулся он краешком губ. – Зато я их знаю. У меня с ними свой разговор... Ты куда-то собиралась с ними ехать?

– Нет, – замотала она головой. – То есть да... Они тащили меня в лес. Они приставляли нож к горлу...

– Эти уроды на все способны... Получается, я снова выручил тебя. Да, тесен мир...

– Может, это судьба? – неожиданно для себя выдала Полина.

– Ты веришь в судьбу? – насмешливо спросил он.

– Нет... Не знаю... Ты тогда спас меня. Сейчас вот... Как все это объяснить?

– А как хочешь, так и объясняй, – пожал он плечами. – А мне сейчас, извини, не до тебя...

Его лицо снова окаменело, глаза наполнились кипящим свинцом. Он взял Полину под руку, помог ей сесть в машину.

– Счастливого пути, – сухо сказал он. – И привет отцу...

Этим он хотел сказать, что они с Полиной в расчете. И больше он ей ничем не обязан...

– Ты знаешь кто? – психанула она. – Сволочь ты!

Его брови удивленно поползли вверх.

– Как ты сказала? – ошеломленно спросил он.

– Ты снова прогоняешь меня. Снова!.. Ты сволочь. Сволочь!!!.. Да пошел ты, кретин!

Полина захлопнула дверцу, сорвала машину с места и стрелой понеслась по шоссе. Даже в зеркало заднего вида не бросила взгляд... Да пошел он в одно место, этот неандерталец!..

Ну почему, почему он постоянно гонит ее от себя? Неужели она ему не нравится?.. Нравится. В том-то и дело, что она ему нравится. Она чувствует это. А на амурные страсти у

женщин особое чутье...

Всю дорогу она думала, почему Тимур отвергает ее. И наконец до нее дошло. Он для нее чужой. Но и она ему тоже чужая. Они из разных миров. И в свой мир он впускать ее не собирается...

Что это за глупость такая, делить людей на своих и чужих? Она сама этим страдает... Страдала... Все, хватит. Все люди братья. И долой аристократов!.. В порыве нахлынувших чувств Полина повернула машину к дому Альберта. Она хотела извиниться перед ним и Леной за свое гадкое поведение.

Но до его дома она не доехала. Решила, что это слишком – просить прощения у какой-то провинциалки. Пусть сама приходит к ней на поклон. А она посмотрит, принимать ее в свой круг или нет...

Глава вторая

Может, Полина была права? Может, это в самом деле судьба?.. И в прошлый раз, и сейчас Тимур отвалил от нее мохнорылых ублюдков. Невероятно, но факт...

Сегодня он снова прогнал от себя Полину. Как будто она в чем-то перед ним виновата... Зря он так. Девчонка явно тянется к нему. А он... Ладно, пень с ней. Если это действительно судьба, рано или поздно она снова сведет их вместе... А потом, у него и вправду дела...

Хотя, если честно, это не повод, чтобы избавиться от Полины. Не должен он был ее прогонять. Что ни говори, а девчонка она классная. Есть в ней что-то такое, от чего гармошкой растягивается душа... В следующий раз он не будет с ней так груб. Только будет ли этот «следующий раз»?..

Нынешняя жизнь напоминала гигантскую мельницу. Чтобы не застрять в жерновах, было два пути – уйти от дел или постоянно выкручиваться. Первый вариант Тимур даже не рассматривал. Ему нравилась его жизнь. Поэтому он крутился как белка в колесе.

Под его контролем уже было около десятка бригад лохотронщиков всех мастей. Наперстки, «три карты», «беспроигрышные» лотереи. В Белокаменске всего две точки. Все остальное крутилось в Москве, как правило, в подземных переходах.

Пацик еще в прошлом году вышел из Серпов за недоказанностью. Вор уже всерьез считал Тимура и его пацанов своей командой. В сущности, так оно и было. Покровительство уважаемого вора помогало ему в решении многих проблем. Но при всех раскладах Тимур не считал себя пешкой в чужой игре.

Он – вожак огромной стаи. Шутка ли, почти полсотни крутых пацанов. На первых ролях уличные «волки» из старой гвардии. Скопец и Холера – его правая и левая рука. Костыль и Барысь – «бригадиры». Под ними чисто «волки» – отчаянные безбашенные пацаны, готовые ради общего дела на все. Олег держит «бригаду» спортсменов – боксеры, борцы, штангисты. Короче говоря, вышибалы. Еще не все из этих костоломов прошли проверку на вшивость. Многих из них Тимур еще держит на расстоянии. Зато с легкой душой берет с собой на разборки с конкурентами. Пусть доказывают свое право на то, чтобы быть равными среди равных...

Олег продолжает заниматься боксом. Погоняло ему дали – Полутяж. Потому что в полутяжелом весе выступает. А выступает он не слабо – за Москву, за Союз. Говорят, скоро на Европу пойдет. Но это не мешает ему быть «бригадиром». Движению он принадлежит с потрохами. И у него, как и у всех посвященных, на правом плече выколота волчья голова. Это – символ принадлежности к стае. Это – клятва верности... Слишком серьезно поставил Тимур свое дело, чтобы допускать к нему случайных людей.

У Тимура тоже на правом плече вытатуирована голова волка. Это и хищник, и благородный хозяин леса. На левом плече тоже наколка – голова тигра. «Жестокость и ярость». Он сделал ее, когда всерьез считал себя воровским бойцом. Ведь когда-то он готов был беспрекословно чинить расправу по приказу вора в законе. Он и сейчас готов служить тому же Пацику. Но с оглядкой на собственное мнение. Слепой убойной силой в руках вора он не будет, это точно. По большому счету он сам сделал себя. Он уважает себя и умеет добиваться, чтобы его уважали другие. Пазик – его шеф. И в то же время Тимур сам себе голова...

Лохотрон приносит ему большие деньги. Но в последнее время работать все труднее. Москву наводнили «бригады» заезжих гастролеров. Со всего Союза съезжаются толпы беспредельщиков. Приходится отбиваться. А это затраты сил, времени и еще убытки. Но ничего, колесо крутится. И Тимур вместе с ним.

Никто не сидит сложа руки. Но больше всех достается Холере. Он – двигатель толковых идей. Лохотрон – его детище. Но он уже забыл о нем. Он главный коммерсант и казначей бригадного «общака». Кроме того, он спец по связям с общественностью, вернее, с видными ее представителями.

Бабками Валера распорядиться умеет. Закупил аппаратуру, через свои связи арендовал несколько помещений, устроил в них видеосалоны. Дело завертелось. А у Холеры уже другая идея. Снова замахнулся на Москву. На этот

раз ему приспичило заняться организацией платных туалетов. Он подпряг под это дело какого-то очкарика с экономическим образованием. Кстати, тоже спортсмен. Первый разряд по шахматам. Ну, очень круто... Так вот, этот шахматист подсчитал будущую прибыль. Выходили приличные суммы. Только Тимур не очень-то охотно принял эту идею. Тогда Холера заявил, что деньги не пахнут. Мол, так сказал один древнеримский император, когда вводил налог на общественные уборные. В конце концов Тимур принял его доводы и дал «добро». Мало того, напряг под это дело Пацика. Пусть почирикает на этот счет с московскими ворами, чтобы не было никаких рамсов.

Сейчас у Холеры нет никаких дел. Только сортиры. В них он с головой. Носится по разным инстанциям – справки, разрешения, согласования. Сам черт ногу сломит. Но Валера не черт. Он Холера. Он везде прорвется. Тем более у него есть своя группа прорыва. Очкарик по кличке Ботаник и два головастых пацана.

В общем, у Валеры все на мази. Но ему сейчас позарез нужны бабки. И Тимур их под него добывает.

Рэкетом он занимается с прошлого года. Сумел подмять под себя колхозный рынок, городские барахолки, толпу кооператоров с их фирмами и подрядами. Вот когда ему пригодились спортсмены-силовики. От одного только их вида кооператоры торопились поделиться с ними своей выручкой. И никаких проблем практически не возникало.

Проблемы появились чуть позже. Когда со всех нор на барыг полезла всякая шпана. «Центровые» проснулись, «тройки». Но Тимур к этому времени очень крепко стоял на ногах. И сумел поставить всех на место. И здесь пригодились спортсмены. Машутся они будь здоров.

Тимур считал себя независимым авторитетом. Но, положив руку на сердце, без Пацика он вряд ли смог бы подняться так высоко. В каких-то девятнадцать лет. Но ведь он поднялся. И во многом благодаря собственным усилиям. И Пацику благодарен. Он со своей командой – весомая часть воровской общины. Но блатным он себя не считает. Не считает, и все...

У него все еще впереди. Кооперативное движение цветет и пахнет. Частные такси, швейные мастерские, кооперативные кафе и рестораны, барахолки. Это хороший доход. Но Тимуру больше нравятся частные банки и советско-забугорные совместные предприятия. А они растут как грибы после дождя. И все в Москве. Вот куда нужно ставить лыжи. А у него в столице есть свое место. Благодаря их с Пациком стараниям с белокаменной братвой считаются всерьез. Одни лохотронские точки чего стоят. А потом, он уже одно «эс-пэ» под себя подобрал. И никто не кидает ему предьяв. И это потому, что он свой среди столичной братвы. Конечно, есть еще таганские, люберецкие, солнцевские, ореховские, подольские, бауманские «бригады». Это мощные сообщества. И тягаться с ними Тимуру не по силам. Он это понимал, поэтому и не лез на рожон. Не стал зариться на самый

лакомый кусок столичного пирога – Рижский рынок. Там и без него ломали копыя солнцевская, ореховская, коптевская и люберецкая братва.

Ничего, он тоже не стоит на месте. Его «бригадиры» с охотой рекрутируют крепких толковых пацанов. Белокаменский спортивный клуб «Звезда» стал своеобразной кузницей бойцовских кадров.

А пока у него под ружьем всего полсотни «пехоты». И то неплохо...

В большинстве случаев «бригадиры» разгребали рамсы сами, без его прямого участия. Но и он не имел права сидеть сложа руки. Он должен всегда быть на острие событий. Вся его сила держится на личном авторитете. А чтобы пацаны уважали его, он должен во всем быть для них примером. Сегодня он лично наступил на хвост этим уродам, которые собирались поиметь Полину. Ей просто повезло, что Тимур шел по их следу. Ее счастье, что ему нужно было с ними конкретно разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.